

INSPIRIA

СИЛЬВЕЙН РЕЙНАРД

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
NEW YORK TIMES

18+

Читайте книгу –
смотрите сериал
от Passionflix

ИНФЕРНО ГАБРИЕЛЯ

Эта история разобьет ваше сердце

 INSPIRIA

Passion. Инферно Габриеля

Сильвейн Рейнард
Инферно Габриеля

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Рейнард С.

Инферно Габриеля / С. Рейнард — «Эксмо», 2011 — (Passion. Инферно Габриеля)

ISBN 978-5-04-115406-6

Сильвейн Рейнард – автор бестселлеров NEW YORK TIMES, создавший чувственную трилогию о спасении одного мужчины и пробуждении одной женщины. Загадочный и привлекательный профессор Габриель Эмерсон изучает творчество Данте. Таким его знают студенты, но они даже не догадываются, что в прошлом профессора есть тайна, о которой никто не должен узнать. Что он скрывает? Милая и наивная Джулия Митчелл пополнила ряды добросовестных студентов. Искры. Всполохи. Взрыв. Эта встреча изменит жизни обоих. Габриелю предстоит распутать липкую паутину загадок, недомолвок и встретиться лицом к лицу со своими демонами. Ведь иногда, чтобы увидеть свет, нужно погрузиться во тьму. "Профессор Эмерсон, ты украл мое сердце". – Goodreads

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-115406-6

© Рейнард С., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сильвейн Рейnard Инферно Габриеля

*Памяти Майи.
Я воскресну*

Sylvain Reynard

GABRIEL'S INFERNO

Copyright © 2011 by Sylvain Reynard

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

© Иванов И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Данте и Виргилий переправляются через реку Стикс.
Гравюра Гюстава Доре. 1870 г.*

Пролог

Флоренция, 1283 год

Поэт стоял возле моста и смотрел на приближающуюся молодую женщину. Едва он увидел ее большие темные глаза и изящно завитые каштановые волосы, окружающий мир перестал для него существовать.

Поэт не сразу ее узнал. Она была завораживающе красивой, а ее движения – уверенными и грациозными. Но в ее лице и фигуре было нечто, сразу напомнившее ему девушку, в которую когда-то он был без памяти влюблен. Потом жизнь разлучила их, но поэт всегда тосковал по своей возлюбленной Беатриче – его ангелу и музе. Без нее его жизнь сделалась одинокой и никчемной.

«Но благодать моя вернулась вновь», – подумал он.

Женщина была не одна, а с несколькими спутницами. Когда она поравнялась с поэтом, он склонил голову и учтиво поклонился. Он не уповал на то, что его присутствие будет замечено. Она, совершенная и недостижимая, кареглазый ангел в белоснежных одеждах, и он, заметно старше ее, утративший вкус к жизни, зато хорошо знакомый с нуждой.

Она уже почти прошла мимо, как вдруг опущенные глаза поэта заметили, что изящная туфелька незнакомки замерла рядом с ним. Сердце поэта бешено заколотилось, а сам он, затаив дыхание, с трепетом ждал, что будет дальше. Потом он услышал ее негромкий нежный голос, исполненный доброты. Ошеломленный поэт поднял голову. Их глаза встретились. Сколько лет он мечтал об этом мгновении, но и подумать не мог, что судьба подарит ему счастливую встречу. Он и надеяться не смел быть удостоенным столь теплого приветствия.

Застигнутый врасплох, поэт забормотал какие-то любезности и позволил себе улыбнуться. Он тут же был вознагражден ответной улыбкой своей музы. В его сердце стал разрастаться огонь любви, едва тлевший столько лет, и вдруг превратился в адский пламень.

Увы, их разговор был совсем коротким. Она сказала, что не может задерживать своих спутниц. Поэт склонил голову, прощаясь с нею, а затем долго глядел ей вслед. Надвигавшаяся печаль остужала радость этой неожиданной встречи. Поэт думал о том, суждено ли им увидеться снова...

Глава 1

– ...Мисс Митчелл? – Голос профессора Габриеля Эмерсона, словно пущенная стрела, пронесся по аудитории и вонзился в милостивую кареглазую девушку, которая сидела на заднем ряду.

Ей было не до слов профессора. Склонив голову, девушка что-то лихорадочно строчила в своей тетради.

И сейчас же все глаза повернулись в ее сторону, увидев бледное лицо, длинные ресницы и тонкие белые пальцы, сжимавшие ручку. Потом те же десять пар глаз вновь устали на замершего и нахмурившегося профессора. Язвительный тон его голоса совершенно не вязался с красивым, безупречно правильным лицом, большими выразительными глазами и полным ртом. Профессор Эмерсон был чертовски обаятелен, однако его излишняя строгость сейчас играла против него.

Вслед за профессорским вопросом справа от мисс Митчелл послышалось негромкое покашливание. Она повернулась и только сейчас заметила, что на соседнем стуле сидит широкоплечий молодой человек. Он улыбнулся и движением глаз указал на профессора.

Девушка не спешила смотреть в указанном направлении, оттягивала встречу с сердитыми синими глазами, устремленными на нее. Она шумно проглотила скопившуюся слюну.

– Жду вашего ответа на свой вопрос, мисс Митчелл. Если, конечно, вы сообразовите присоединиться к нашему разговору. – Его голос был таким же ледяным, как и глаза.

Остальные аспиранты ерзали на стульях и переглядывались. На их лицах ясно читался вопрос: «Какая муха его укусила?» Но вслух никто не произнес ни слова. Каждый, кто знаком с аспирантской средой, знает: там вообще стараются не осложнять отношений с преподавателями, не говоря уже о том, чтобы позволить себе какую-нибудь грубость.

Мисс Митчелл открыла рот и тут же закрыла, глядя прямо в немигающие синие глаза. Ее глаза были широко распахнуты, как у испуганной крольчихи.

– Может, английский не ваш родной язык? – насмешливо осведомился профессор Эмерсон.

Черноволосая девушка, сидевшая справа от профессора, подавила смешок, неуклюже превратив его в покашливание. Глаза аспирантов снова повернулись к испуганной крольчихе. Девушка густо покраснела и втянула голову в плечи, сумев наконец выскользнуть из оков профессорского взгляда.

– Похоже, мисс Митчелл обладает редкой способностью присутствовать на двух семинарах сразу. И на втором семинаре ей сейчас намного интереснее, чем у нас. Поскольку я не смею ей мешать, может, кто-то из вас будет так любезен и ответит на мой вопрос?

Красотке справа просто не терпелось ответить. Она мгновенно воспользовалась представившейся возможностью. Повернувшись к профессору Эмерсону, она стала отвечать, причем очень подробно, даже с цитатами из Данте. Их она произносила по-итальянски, жестикулируя, как истая итальянка. Закончив, она насмешливо взглянула в дальний угол аудитории, затем вновь посмотрела на профессора и вздохнула. Во всем этом спектакле не хватало нескольких завершающих движений. Исполнительнице следовало бы подбежать к Эмерсону и начать тереться спиной о профессорскую ногу, показывая свою готовность быть его вечной кисой. Впрочем, такое выражение «кошачьей преданности» вряд ли было бы по достоинству оценено Эмерсоном.

Профессор нахмурился – нахмурился вообще, а не в знак недовольства кем-либо, – повернулся спиной к аудитории и стал что-то писать на доске. Испуганная крольчиха крепилась, чтобы не разреветься, и продолжала строчить у себя в тетради.

Не поворачиваясь к аспирантам, Эмерсон монотонно рассказывал о конфликте между гвельфами и гибеллинами и об отображении этого конфликта в «Божественной комедии». Тем временем на обложке словаря, принадлежавшего испуганной крольчихе, появилась записочка. Мисс Митчелл ее не замечала, пока сосед справа не напомнил о себе новым покашливанием. Она повернулась. Симпатичный парень радостно улыбнулся и кивнул в сторону записочки.

Увидев бумажный квадратик, мисс Митчелл не сразу развернула послание. Убедившись, что профессор Эмерсон целиком погружен в толкование устаревших слов итальянского языка, она быстро переложила записку себе на колени и только там решилась развернуть.

Эмерсон – придурок.

Мисс Митчелл могла не опасаться: этих слов не видел никто. Аспиранты смотрели на Эмерсона. На испуганную крольчиху смотрел лишь ее сосед справа. Прочитав два крамольных слова, девушка покраснела, но уже по-другому. Ее щеки окрасились в розовый цвет. Она улыбнулась. Чуть-чуть, одними губами. И все же это была улыбка.

Потом большие глаза мисс Митчелл переместились на соседа. Парень широко, по-дружески ей улыбнулся.

– Мисс Митчелл, вы находите мои слова смешными?

Карие глаза испуганной крольчихи в ужасе распахнулись, став еще больше. Улыбка ее нового приятеля тут же погасла, а он сам повернулся к профессору. Но мисс Митчелл предпочла не встречаться еще раз с холодными синими глазами ее мучителя. Она опустила голову и принялась кусать нижнюю губу.

– Профессор, это я виноват, – вступился за нее улыбчивый парень. – Я спрашивал у мисс Митчелл, на какой странице мы читаем.

– Весьма странный вопрос, Пол. Особенно для докторанта. Раз вы спросили, отвечаю: мы начали с первой песни. Надеюсь, вы разыщете ее самостоятельно. Вы согласны со мной, мисс Митчелл? – Испуганная крольчиха подняла глаза. Конский хвост, в который были стянуты ее волосы, едва заметно подрагивал. – После занятий зайдите ко мне.

Глава 2

Семинар закончился. Записку улыбочивого парня Джулия Митчелл записнула между страницами своего итало-английского словаря. Возможно, по чистой случайности записка оказалась на странице, где было слово «casino»¹.

– Прости, что так получилось. Давай знакомиться. Пол Норрис.

Улыбочивый парень протянул ей широкую ладонь, похожую на медвежью лапу. «А у меня ладошка совсем маленькая», – подумала Джулия, осторожно пожимая ему руку.

– Привет, Пол. Я Джулия Митчелл.

– Вот и познакомились. До сих пор не могу понять, чего он к тебе прицепился? Конечно, придурок он еще тот. И что его гложет?

Все это было сказано без малейшей доли сарказма, просто как факт. Наверное, мысленно Пол уже давно именовал профессора Эмерсона придурком.

Тем не менее Джулия покраснела и принялась собирать свои книги.

– Ты новенькая? – спросил Пол.

– Да. Я здесь недавно. Приехала из Филадельфии, после Университета Святого Иосифа. Он кивнул, как будто место, откуда она приехала, для него что-то значило.

– Хочешь получить степень магистра?

– Да, – ответила Джулия. – Может, кому-то и странно, но я хочу стать специалистом по творчеству Данте.

– Так ты приехала сюда ради Эмерсона?! – присвистнул Пол.

Джулия кивнула, и он заметил, что у нее слегка пульсирует жилка на шее, хотя учащенного сердцебиения, естественно, слышать не мог. Такая реакция несколько удивила Пола, но он не придавал ей особого значения. До поры до времени.

– Эмерсон, конечно, блестящий спец, но учиться у него тяжело. Сама видишь, число аспирантов не зашкаливает. Мы с Кристой Петерсон пишем у него докторские. Ее ты уже видела.

– Кристу? – удивленно переспросила Джулия.

– Ну да. Я про красотку, что отвечала вместо тебя. Хочет стать доктором философии. Но ее заветная цель – стать миссис Эмерсон. Девушка времени зря не теряет. Стряпает ему домашнее печенье, изобретает предлоги, чтобы зайти к нему в кабинет, без конца оставляет сообщения на автоответчике. В общем, развила невероятную активность! – Джулия снова кивнула, ничего не сказав. – Такое ощущение, будто эта Криста знать не знает про местные правила. А в Торонтском университете, между прочим, правила весьма строгие и близкие отношения между студентами и преподавателями запрещены.

Теперь Джулия улыбалась. «Какая чудная у нее улыбка. Надо будет сделать так, чтобы она улыбалась почаще», – решил Пол. Впрочем, встреча, ожидавшая Джулию, никак не располагала к улыбкам.

– Тебе пора в кабинет к этому придурку. Помнишь, он сказал, чтобы после семинара ты зашла к нему? Не заставляй его ждать. Он помешан на пунктуальности.

Джулия спешно побросала вещи в свой выдавший виды студенческий рюкзачок, верой и правдой служивший ей с первого курса колледжа.

– Слушай, а ведь я даже не знаю, где его кабинет, – спохватилась она.

– Выходишь из аудитории, сворачиваешь налево, потом еще раз налево. У него угловой кабинет в самом конце коридора. Удачи! Увидимся на следующем семинаре, если не раньше.

Джулия наградила Пола благодарной улыбкой и отправилась на экзекуцию.

¹ Придурок (ит.). – Здесь и далее прим. перев.

Завернув за угол, она сразу увидела, что дверь профессорского кабинета приоткрыта. Подойдя к двери, Джулия остановилась, мучительно решая, как ей быть. Постучаться? А может, заглянуть? Немного помешкав, она выбрала первый вариант и протянула руку. Но тут она услышала голос Эмерсона.

– Прошу прощения, что не перезвонил. Но я был не где-то, а на семинаре! – Знакомый, слишком даже знакомый голос. Казалось, профессор Эмерсон не произносит, а выплевывает слова в телефонную трубку. После короткой паузы он продолжил: – Да пойми ты, дурень! У меня это первый семинар в учебном году... Что? Когда я в прошлый раз с ней говорил, она сказала, что прекрасно себя чувствует! Слышишь?

Джулия попятилась от двери. Не хватало еще, чтобы он вот так же орал на нее! Пунктуальность пунктуальностью, но она не громоотвод для профессорского гнева. Сейчас ей лучше уйти, и будь что будет.

Она бы и ушла, если бы сердитый голос Эмерсона не захлебнулся вдруг... в рыдании. Джулия застыла на месте. Теперь она уже никак не могла уйти.

– Как ты можешь такое говорить? Если бы я только знал!.. Я любил ее... Что значит – я отсиживаюсь здесь? – Из-за двери донесся новый всплеск рыданий. – Я не знаю, когда доберусь. Сейчас поеду прямо в аэропорт. Возьму билет на ближайший рейс... Что значит – когда прилечу? Откуда я знаю расписание самолетов? – Он замолчал. – Передай им мои соболезнования. Скажи им, что я... я... – Его голос оборвался, превратившись во всхлипывания. Потом Джулия услышала, как он повесил трубку.

Не задумываясь о своих действиях, Джулия осторожно заглянула в приоткрытую дверь.

За столом сидел мужчина лет тридцати с лишним и плакал. Он плакал, обхватив голову руками и уперев локти в письменный стол. Его широкие плечи вздрагивали, а всхлипывания, вырывавшиеся из груди, были гораздо хуже и страшнее язвительных слов, которыми он отхлестал Джулию на семинаре. Там в нем говорила раздражительность. Сейчас в нем говорило горе. Боль утраты.

Джулии стало жаль его. Ей захотелось войти и утешить его. Обнять за шею, погладить по голове и сказать, что она разделяет его скорбь. Она представила, как вытирает ему слезы и как его сапфировые глаза смотрят на нее совсем по-другому, не тем ледяным взглядом. Ей даже захотелось чмокнуть его в щеку. Обыкновенный жест симпатии и сочувствия.

Импульс сменился здоровым вопросом: как Эмерсон отнесется к ее жесту симпатии и сочувствия? Мужчины не любят, когда их видят плачущими. Эти мысли заставили Джулию ретироваться. Она нащупала в рюкзаке клочок бумаги, достала и торопливым почерком написала:

Простите меня.

Джулия Митчелл

Где бы теперь оставить эту записку? Не под дверь же подсовывать. Заметив щель между дверным косяком и стеной, Джулия засунула записку туда, рассчитывая, что профессор Эмерсон обязательно увидит белый бумажный хвостик. Потом она тихо закрыла дверь кабинета.

* * *

И все-таки главной чертой характера Джулии была не робость, а способность сострадать другим. Трудно сказать, от кого из предков она унаследовала эту черту. Во всяком случае, не от родителей. Ее отец, при всей его честности и порядочности, был человеком упрямым и несговорчивым, а умершая мать не проявляла сострадания даже к своему единственному ребенку.

Том Митчелл был человеком немногословным, но в пенсильванском городке Селинсгроув его хорошо знали и, в общем-то, любили. Он работал сторожем в Саскуэханнском университете и одновременно – брандмейстером местной пожарной команды. Пожарная команда целиком состояла из добровольцев, готовых в любое время выехать по вызову. Том исполнял обязанности брандмейстера с гордостью и достоинством. Он настолько ревностно к ним относился, что большую часть времени проводил на дежурстве в здании пожарной команды, даже если это была не его смена.

Позднее вечером, после того провального семинара, Джулии позвонил отец и очень обрадовался, когда та ответила на звонок.

– Джули, как у тебя дела? – Отцовский голос, пусть и лишенный сентиментальных ноток, согревал, словно одеяло в холодную ночь.

– Все замечательно, – вздохнув, ответила Джулия. – Первый день был... довольно интересным. Говорю тебе, у меня все нормально.

– Эти канадцы тебя не обижают?

– Нет, что ты. Очень милые люди.

«Если кто и обижает, так это американцы. Точнее, один американский придурок».

Том несколько раз прокашлялся, и Джулия замерла. Она с детства знала: если отец прочищает горло, значит собирается сказать что-то серьезное.

– Милая, сегодня умерла Грейс Кларк. – Сидевшая на кровати Джулия выпрямилась и вперила глазами в стену. – Ты слышала, что я сказал?

– Да, папа. Слышала.

– Ее рак вернулся. Врачи думали, что с ним покончено, а он вернулся. Когда обнаружили, он уже добрался до костей и печени. Ричард и дети до сих пор поверить не могут. – Джулия закусил губу, удерживая слезы. – Я знал, что больно ударю тебя этой новостью. Ведь Грейс была тебе как мать. Да и с Рейчел вы в старших классах дружили. Кстати, Рейчел тебе не звонила?

– Нет. Не звонила и не писала. Почему она мне ничего не сообщила?

– Даже не знаю, когда эти чертовы врачи обнаружили у Грейс повторный рак. Я ходил сегодня к ним. Представляешь, Габриель до сих пор не соизволил приехать. Теперь они не знают, как быть с похоронами. Воображаю, какой прием его ожидает! В той семье слишком много дурной крови.

– Ты не забудешь послать цветы?

– Ты что? Конечно, не забуду. Правда, я не слишком разбираюсь в цветах. Но я попрошу Деб.

Деб Ланди была подругой Тома. Услышав ее имя, Джулия поморщилась, но смолчала.

– Тогда попроси ее послать цветы и от моего имени. Грейс любила гардении. И пусть Деб приложит открытку со словами соболезнования.

– Обязательно ей передам. Есть еще просьбы?

– Нет, спасибо.

– А деньги нужны?

– Нет, папа. Если не роскошествовать, на аспирантскую стипендию вполне можно прожить.

Том замолчал, однако Джулия почти наверняка знала, какими будут его дальнейшие слова.

– Жаль, дочка, что с Гарвардом не получилось. Может, на следующий год.

Джулия расправила плечи и заставила себя улыбнуться, хотя отец и не мог видеть ее улыбку.

– Возможно. Я тебе потом позвоню.

– До свидания, дорогая.

На следующее утро Джулия шла в университет медленнее обычного. Включенный iPod служил ей звуковым фоном, поскольку ее голова была занята сочинением электронного письма к Рейчел. Джулии хотелось как можно проще и сердечнее выразить школьной подруге свое соболезнование, но письмо получалось то слишком напыщенным, то чересчур официальным. Джулия мысленно удаляла черновик и принималась за новый вариант.

Сентябрьский ветерок в Торонто был еще теплым, и Джулии это нравилось. Ей нравилась близость большого озера, солнечные дни и дружественная атмосфера. Приятно было идти по чистым улицам. Она радовалась, что сейчас находится в Торонто, а не в Селингроуве и не в Филадельфии. Иными словами, от него ее отделяют сотни миль. Пусть все так и останется. Это было единственной ее надеждой.

Продолжая мысленно сочинять письмо к Рейчел, Джулия вошла в здание, где помещался факультет итальянской литературы и искусства, и направилась к своему почтовому ящику. Кто-то взял ее за локоть и осторожно развернул.

– Пол?.. Привет, – сказала она, извлекая наушники из ушей.

Пол улыбался во весь рот. Это не мешало ему скользить взглядом по фигуре Джулии. Какая же она миниатюрная, особенно в кроссовках. Она едва доставала ему до груди.

– Ну и как разговор с Эмерсоном? – спросил Пол. Его улыбка погасла, а во взгляде появилась тревога.

Джулия закусила губу. Дурная привычка, от которой давным-давно пора избавиться. Однако избавиться не получалось, поскольку губу она закусывала инстинктивно и лишь задним числом спохватывалась.

– Я не пошла.

Пол закрыл глаза, запрокинул голову и даже застонал, будто Джулия сообщила ему нечто трагическое.

– Напрасно, – сказал он.

Джулия решила немного прояснить ситуацию:

– Понимаешь, дверь кабинета была заперта. По-моему, он говорил по телефону... Мне так показалось. Я оставила ему записку. Засунула между стеной и дверным косяком.

Пол сразу заметил, что она нервничает. Даже брови сдвинула. А брови у нее очень красивые, с легким изгибом. Пол мысленно отругал профессора Эмерсона за черствость. Такую, как Джулия, очень легко обидеть, а этому ученому придурку все равно. Ему, наверное, вообще наплевать, как его поведение отзывается на аспирантах. Подумав об этом, Пол решил помочь Джулии.

– Если он говорил по телефону, ему вряд ли понравилось бы твое вторжение. Будем надеяться, что тебе это сошло с рук. А если нет... я тебе не завидую. – Он выпрямился во весь рост и сжал пальцы в кулаки. – Если Эмерсон вздумает цепляться к тебе, обязательно скажи мне. Там будет видно, как действовать. Если он наорет на меня, я это выдержу. Но я не хочу, чтобы он орал на тебя.

«Потому что, Испуганная Крольчиха, ты слишком чувствительная и можешь умереть от шока».

Ему показалось, что Джулия собралась ответить. Но она промолчала и лишь кивнула, благодаря его за поддержку, и отправилась проверять почту.

Содержимое ящика не особо вдохновляло. Реклама, несколько факультетских информационных листков, один из которых извещал о публичной лекции профессора Габриеля О. Эмерсона. Лекция имела длинное название: «Плотская страсть в «Божественной комедии» Данте. Смертный грех и личность». Название не сразу отложилось у нее в мозгу. Потом она усмехнулась и принялась напевать себе под нос.

Напевая, Джулия пробежала глазами еще один информационный листок. Администрация факультета извещала аспирантов профессора Эмерсона о том, что лекция отменяется

и переносится на более поздний срок, о чем будет сообщено дополнительно. Был и третий листок. Ну и ну! Этот извещал об отмене всех семинаров, консультаций и встреч, назначенных профессором Эмерсоном.

В ящике было что-то еще. Какой-то невзрачный клочок бумаги. Джулия извлекла его, развернула и прочла:

Простите меня.

Джулия Митчелл

Странно, зачем он бросил в ящик ее записку? Как вообще это понимать? Разгадка была почти мгновенной – стоило лишь повернуть записку обратной стороной. И тогда Джулии сразу расхотелось петь, а ее сердцу – биться.

Эмерсон – придурок.

Глава 3

Случись такой конфуз лет десять назад, Джулия грохнулась бы на пол, свернулась бы в утробной позе и замерла. Но в свои двадцать три года она стала покрепче. Поэтому она не застыла перед открытым почтовым ящиком, глядя, как сгорает, превращаясь в груды пепла, ее недолгая аспирантская карьера. Завершив необходимые дела на факультете, она вернулась домой.

подавляя все мысли о рушащейся карьере, Джулия сделала еще четыре совершенно необходимых дела.

Во-первых, достала из-под кровати пластиковый контейнер для микроволновки и несколько уменьшила хранившийся там неприкосновенный запас наличных денег.

Во-вторых, навестила ближайший винный магазин и купила самую большую бутылку самой дешевой текилы.

В-третьих, написала Рейчел длинное электронное письмо, выразив все свои соболезнования и извинения. Джулия намеренно не упомянула, где сейчас живет и чем занимается, а потому отправила письмо со своего старого адреса на gmail, а не с университетского.

В-четвертых, она пошла по магазинам. Это была своеобразная дань памяти Грейс и дружбе с Рейчел, поскольку мать и дочь обожали покупать разные дорогостоящие штучки, а Джулия могла лишь смотреть на витрины.

С Рейчел они были знакомы с девятого класса. В тот год Джулия переехала в Селинсгроув, пошла в новую школу, где и нашла себе новую подругу. Тогда ее финансовое положение было незавидным. Впрочем, оно и сейчас оставалось почти таким же. Аспирантская стипендия позволяла лишь сводить концы с концами, а подрабатывать не разрешали канадские законы. Джулия приехала сюда по студенческой визе, налагавшей весьма строгие ограничения на трудоустройство.

Джулия останавливалась возле роскошных витрин магазинов на Блур-стрит, думая о своей давней подруге и о женщине, заменившей ей мать. Витрина магазина «Прада» напомнила Джулии тот первый и единственный раз, когда она согласилась, чтобы Рейчел купила ей элегантные и очень дорогие туфли на шпильках. Эти туфли сопровождали Джулию повсюду. Коробка с ними и сейчас стояла в дальнем углу ее гардероба. Она надела их всего однажды... в тот вечер, когда поняла, что ее предали. Помнится, тогда она сгоряча искромсала ножницами нарядное платье и хотела расправиться с туфлями. Но не смогла. Как-никак это был подарок Рейчел, сделанный искренне и от души. Ни туфли, ни Рейчел не виноваты в случившемся.

Джулия долго простояла перед витриной парфюмерного магазина «Шанель». Она вспоминала Грейс. Та всегда встречала ее улыбкой и нежными объятиями. Родная мать Джулии трагически погибла. На похоронах Грейс крепко обняла окаменевшую от горя Джулию и сказала, что любит ее и с радостью станет ей матерью. И это не были просто слова, произнесенные под влиянием минуты. Грейс оказалась лучшей матерью, чем Шарон. Джулия и сейчас удивлялась этому. Она давно не верила утверждениям, будто мертвые могут наблюдать за миром живых. В таком случае Шарон сгорела бы со стыда.

А когда все слезы были выплаканы и магазины закрылись, Джулия побрела домой. Точнее, в свое временное пристанище. Там она принялась шпынять себя за то, что была скверной приемной дочерью для Грейс и никудышной подругой для Рейчел. Покончив с этой стадией самоедства, Джулия устроила себе выволочку за редкостное разгильдяйство и невнимательность. Это надо же догадаться – схватить первый попавшийся клочок бумаги и даже не взглянуть, есть ли что-нибудь на обратной стороне! И на этой бумажонке она посмела написать человеку, только что потерявшему любимую мать.

Какие мысли возникли в голове Эмерсона, когда он обнаружил и прочел ее записку? Несколько глотков текилы упростили вопрос: «Что он должен думать обо мне сейчас?»

Ответа Джулия не знала. Мозг, подхлестнутый текилой, требовал действий. А может, собрать вещи, погрузиться в междугородний автобус и отправиться в Селингроув, чтобы только больше не встречаться с ним? Ей и сейчас было стыдно, что в тот злополучный день она не догадалась, с кем и о ком профессор Эмерсон говорил по телефону. Но она и подумать не могла, что рак вновь накинется на Грейс. Смерть Грейс вообще казалась Джулии чем-то нереальным. И что это был за жуткий день? Почему его так взбесила ее невнимательность? Джулию просто шокировала его враждебность. Но еще более шокирующим было видеть, как он плачет. Ею тогда двигало единственное желание – войти в кабинет и утешить. Вполне человеческое желание. Оно заслонило все ее мысли, и только поэтому она не догадалась о причине профессорского горя.

А во что вылилось это «вполне человеческое желание»? Профессор Эмерсон только-только узнал страшную новость: умерла его любимая мать. Он мучается от сознания, что не успел проститься с ней и сказать, как он ее любит. Позвонивший ему – скорее всего, это был его братец Скотт – подливает масла в огонь, упрекая Габриеля в черствости и эгоизме. Профессор Эмерсон готов все бросить и мчаться в аэропорт, надеясь поспеть на похороны. И вот тут-то, выбежав из кабинета, он замечает ее записку с извинениями и... парой слов, написанных Полом на обратной стороне бумажного клочка.

Редкостный идиотизм.

Джулию удивило, что профессор тут же не вычеркнул ее из числа своих аспирантов. «Возможно, он меня вспомнил». Мысль была ободряющая. Глотнув текилы, Джулия попробовала развить ее дальше, но не смогла. Текила оказалась сильнее, и мисс Митчелл отключилась, заснув прямо на полу.

* * *

Прошло две недели. Душевное состояние Джулии несколько улучшилось, хотя ощущение, что ее будущее висит на волоске, не проходило. Она почти ежедневно проверяла свой факультетский почтовый ящик, ожидая найти там уведомление об отчислении. Мысль самой забрать документы и вернуться домой она отвергла. Она не такая трусиха и выдержит этот удар судьбы.

Джулия не отрицала, что болезненно застенчива и краснеет, будто школьница. Но это не мешало ей быть упрямой и целеустремленной. Она безумно хотела изучать творчество Данте и была готова удержаться в Торонтском университете любой ценой. Даже сделав Пола своим соучастником. Правда, он пока об этом не знал.

Убедившись, что в ее ящике нет ничего, кроме обычной бумажной дребедени, Джулия облегченно вздохнула. Информационные листки отправились в ближайшую мусорную корзину, а сама Джулия собралась навестить факультетскую библиотеку.

– Джулианна? Можно вас на минуточку? – окликнула ее в коридоре миссис Дженкинс, миловидная пожилая дама, факультетский референт. Джулия остановилась. – Скажите, у вас были какие-то сложности с профессором Эмерсоном?

– У меня?.. Н-не знаю. – Джулия мгновенно покраснела и принялась отчаянно кусать изнутри собственный рот.

– Профессор Эмерсон прислал мне утром два электронных письма с настоятельной просьбой, чтобы вы зашли к нему, как только он вернется. Обычно я не вмешиваюсь в дела профессоров. Они сами назначают встречи своим аспирантам. Уж не знаю почему, но профессор Эмерсон пожелал, чтобы я не только уведомила вас о встрече, но и сделала запись о ней в вашем личном деле.

Джулия кивнула и полезла в рюкзак за органайзером. О том, какими эпитетами наградила ее профессор в этих письмах, она старалась не думать.

– Так вы готовы встретиться с ним завтра? – спросила миссис Дженкинс.

– Как? Уже завтра? – упавшим голосом пролепетала Джулия.

– Он возвращается сегодня вечером и завтра, к четырем, будет ждать вас у себя в кабинете. Вы сможете прийти? Я должна сообщить профессору ваш ответ.

Джулия кивнула и пометила время у себя в органайзере, всем видом показывая, что ничуть не удивлена.

– Профессор не сказал, зачем вы ему понадобились. Но добавил, что у него есть серьезные основания с вами встретиться. Я сама теряюсь в догадках, – растерянно добавила миссис Дженкинс, отпуская Джулию.

В библиотеку Джулия не пошла. Она вернулась домой, чтобы собрать вещи, взяв себе в помощницы «сеньориту Текилу».

* * *

К утру основная часть имущества Джулии была упакована в два больших чемодана. Не желая признаваться в поражении ни себе, ни бутылке с текилой, часть вещей девушка оставила несобранными. Успеется. Сейчас Джулия сидела на стуле и по детской привычке вращала большими пальцами. Ее натура требовала действий. Тупо сидеть и тянуть время до визита к Эмерсону она не могла. Приложиться к текиле накануне визита – тем более. Поскольку с другими аспирантами она еще не успела подружиться, то ей оставалось только одно: убрать квартиру, так и не ставшую ей домом.

Но и это занятие не заняло много времени. Вскоре все было отмыто, отчищено, доведено до блеска и благоухало лимоном. Джулия имела все основания гордиться собой. Наспех собрав рюкзак, она вышла и с гордо поднятой головой отправилась на встречу с экзекутором Эмерсоном.

А профессор уже шагал по факультетским коридорам, заставляя коллег и аспирантов жаться к стенам и уступать ему дорогу. Настроение у него было на редкость скверным, и ни у кого не хватало мужества заговорить с хмурым профессором.

Все это имело вполне объяснимые причины. Дни, проведенные в родных местах, были омрачены не только смертью матери, но и бесконечными перепалками с живыми и здравствующими родственниками. Он плохо спал, а вчерашнюю ночь вообще провел без сна. Боги авиакомпании «Эр Канада» прокляли его, усадив рядом с отцом двух годовалого малыша. Едва самолет покинул филаделфийский аэропорт, папаша шумно захрапел в уютных сумерках салона. Зато его чадо вопило, а потом обильно оросило не только отцовские колени, но и брюки профессора Эмерсона. Профессор как ужаленный выскочил в проход, потребовал у стюардессы тряпку и щетку, после чего бросился в туалет. Там он лихорадочно смывал и счищал младенческую мочу со своих брюк от Армани, попутно обдумывая законопроект о принудительной стерилизации безответственных родителей.

Джулия появилась возле знакомой двери за несколько минут до назначенного времени и с радостью обнаружила, что дверь заперта. Однако радость почти мгновенно улетучилась. Дверь действительно была заперта, но изнутри. Там сейчас происходила словесная порка Пола Норриса.

Минут через десять дверь открылась, и в коридор вышел Пол, похожий на великана, которому хорошенько двинули между глаз. Сердце Джулии сжалось. Она бросила взгляд на пожарный выход. Всего пять шагов, вращающаяся дверь – и она будет свободна. Главное – не нарваться на полицию и не схлопотать штраф за ложную пожарную тревогу. Но даже штраф казался ей меньшим злом в сравнении с предстоящим разговором.

Пол догадался о ее замыслах. Он покачал головой, выдал несколько ругательств, адресованных профессору, потом улыбнулся и предложил:

– А не закатиться ли нам куда-нибудь на чашку кофе? Разумеется, не прямо сейчас.

Джулию удивило его предложение, и она согласилась, не особо раздумывая. Она и так была выбита из колеи предстоящим разговором.

– Остался суший пустяк – узнать номер твоего мобильного, – с улыбкой сказал Пол, наклоняясь к ней.

Джулия покраснела, вытащила из рюкзака клочок бумаги, убедилась, что тот девственно чист, и торопливо нацарапала номер. Пол спрятал бумажку в карман и ободряюще потрепал Джулию по руке:

– Давай, Крольчиха, устрой ему ад кромешный.

С чего это он решил, что у нее такое прозвище? И почему вообще она должна называться Крольчихой? Возможно, Джулия даже спросила бы об этом Пола, но из недр кабинета раздался раздраженный, но тем не менее довольно красивый голос:

– Мисс Митчелл, заходите.

Джулия вошла в кабинет и замерла возле двери.

Вид у профессора Эмерсона был изможденный. Лицо бледное, темные круги под глазами. Кажется, он даже похудел. Листая какие-то бумаги, профессор неожиданно высунул язык и медленно обли-зал нижнюю губу.

Джулия, оцепенев, уставилась на его чувственный рот. Затем, сделав над собой изрядное усилие, перевела взгляд на профессорские очки. В аудитории Эмерсон был без очков. Наверное, очками он пользовался, лишь когда уставали глаза. Но сегодня его сверлящие синие глаза частично прятались за темными стеклами очков. «Прада». Модная и очень дорогая модель. Черная оправа резко контрастировала со светло-каштановыми волосами и синими глазами. Словом, очки были центральной точкой его лица. Джулия тут же призналась себе, что еще не видела более элегантного профессора, чем Эмерсон. Казалось, он сошел с рекламного плаката «Прада», хотя вряд ли какой-нибудь профессор согласился бы участвовать в рекламной кампании.

Более того, Эмерсон был первым встреченным Джулией профессором, который следил за модой.

Тот злополучный семинар был не первой встречей Джулии Митчелл с Габриелем Эмерсоном. Она знала этого человека. Знала его порывистый, переменчивый характер. Знала его приверженность к вежливости и соблюдению приличий (по крайней мере, так было до недавнего времени). Знала, что сейчас она вполне могла бы без всякого приглашения усесться в одно из мягких кожаных кресел, в особенности если бы он вспомнил, кто она. Но нынешняя атмосфера кабинета не располагала к вольностям, и Джулия осталась стоять.

– Проходите, мисс Митчелл. Прошу садиться.

Голос Эмерсона был холодным и жестким. Вместо кресла профессор указал на такой же жесткий металлический стул.

Вздыхнув, Джулия направилась к неприглядному стулу, стоявшему возле одного из массивных встроенных книжных шкафов. Ей хотелось пошутить, сказать, что обвиняемым мягкие кресла не полагаются, но она решила не усугублять свое и без того шаткое положение.

– Передвиньте стул к моему столу. Я не собираюсь вытягивать шею, чтобы вас видеть.

Джулия послушно понесла стул к письменному столу, умудрившись ножкой задеть за свой ветхий рюкзак. Один карман раскрылся, и его содержимое вывалилось на пол, в том числе и тампон. Джулия покраснела с головы до ног, видя, как чертов тампон закатился под стол и остановился в каком-нибудь дюйме от профессорского кожаного портфеля.

«Может, он обнаружит тампон уже после того, как я покину его кабинет».

Удрученная своей неловкостью, Джулия присела на корточки и стала торопливо собирать рассыпавшиеся предметы, запихивая их обратно в карман. Она собрала почти все, но тут рюкзак преподнес ей новый сюрприз. У него вдруг с треском оборвалась лямка, и он с грохотом шмякнулся на пол. Тетради, ручки, iPod, мобильник и большое зеленое яблоко разлетелись по красивому персидскому ковру. Зрелище было столь же нелепое, как компания хиппи в интерьере старинного особняка.

«Боги всех аспирантов и вечных неудачников, покарайте меня на месте», – мысленно взмолилась Джулия.

– Мисс Митчелл, вы никак еще и комедиантка?

От его саркастического тона Джулия словно окаменела. Она все-таки решилась поднять глаза и взглянуть на него. Увиденное едва не заставило ее разреветься.

Как человек, носящий ангельское имя, может быть таким жестоким? Как его мелодичный голос может быть таким суровым? Джулия тут же утонула в его холодных синих глазах. Она с тоской вспоминала, как однажды эти глаза смотрели на нее с нежностью и добротой. Нет, она не имела права поддаваться отчаянию. Лучше привыкнуть к его нынешнему поведению, как бы больно ей ни было.

Запоздало ответив на его вопрос мотанием головы, Джулия вновь стала запихивать рассыпавшиеся вещи в рюкзак.

– Когда я задаю вопрос, то жду, что мне ответят не какими-то невразумительными жестами, а голосом. Неужели вы до сих пор не усвоили этот урок? – Бегло взглянув на Джулию, профессор Эмерсон вернулся к папке, которую держал в руках.

– Простите меня, доктор Эмерсон.

Джулия удивилась собственному голосу. Слова были произнесены тихо, но теперь в них ощущался металл. Она не знала, откуда в ней появилась смелость, и мысленно поблагодарила богов, явившихся ей на помощь. Очень вовремя.

– Вообще-то, профессор Эмерсон, – отчеканил он. – Докторов везде пруд пруди. Сейчас даже мануальные терапевты и ортопеды именуют себя докторами.

Больно отшлепанная его словами, Джулия склонила голову и попыталась застегнуть молнию своего предательского рюкзака. Увы, бегунок молнии не желал соединять зубцы. Джулия мысленно уговаривала его, чередуя уговоры с проклятиями, будто это могло магическим образом заставить бегунок исправно работать.

– Может, прекратите возиться с вашим рюкзачным недоразумением и сядете на стул, как и подобает человеку?

Джулия поняла: Эмерсон на грани срыва и лучше его больше не злить. Перестав возиться с «рюкзачным недоразумением», она уселась на неудобный стул. Руки она сложила на коленях, поскольку каждый ее жест только раздражал профессора.

– Должно быть, вы уверены в своем таланте комедиантки. И ваш прошлый трюк наверняка считаете весьма остроумным.

Он бросил ей клочок бумаги, приземлившись рядом со стулом. Джулия нагнулась и сразу узнала ксерокопию своей записки.

– Я сейчас объясню. Это была ошибка. Я не писала обе...

– Меня не интересуют ваши объяснения! Помнится, после семинара я просил вас зайти ко мне. Вы ведь не соизволили явиться?

– Я приходила. Но вы говорили по телефону. Дверь была заперта, и...

– Дверь не была заперта! – Эмерсон бросил ей белый картонный прямоугольник, похожий на визитную карточку: – Это, полагаю, тоже из вашего комедийного репертуара?

Джулия подняла карточку и чуть не вскрикнула. Это была маленькая открытка со словами соболезнования. Деб выполнила ее просьбу, приложив к цветам открытку.

Вместе с вами оплакиваю вашу потерю.

*Примите мои искренние соболезнования.
С любовью,
Джулия Митчелл*

От злости он едва не брызгал слюной. Джулия захлопала ресницами, пытаясь найти точные слова.

– Это совсем не то, что вы думаете. Я хотела сказать, что скорблю...

– Вы уже красноречиво высказались в своей записке!

– Но открытка предназначалась не вам, а вашей семье, которая...

– Не смейте приплетать сюда мою семью! – заорал профессор Эмерсон.

Он сорвал очки, бросил на стол и принялся растирать виски.

Удивление Джулии сменилось неподдельным изумлением. Как такое могло случиться? Почему никто ему не объяснил? Почему он воспринял ее слова соболезнования как насмешку и никто не вправил ему мозги?

У нее противно засосало под ложечкой. Что же могла означать эта история с открыткой?

Ценой невероятных усилий профессор Эмерсон все же заставил себя успокоиться. Презрительно морщась, он захлопнул папку и отодвинул от себя. Потом вперился глазами в Джулию:

– Итак, вы приехали сюда изучать творчество Данте. Я единственный профессор на всем факультете, который ведет аспирантов по этой теме. Поскольку наши отношения... не сложились, вам придется изменить тему и поискать себе другого руководителя. Либо перевестись на другой факультет, а еще лучше – в другой университет. Я незамедлительно сообщу о своем решении в комитет, назначивший вам целевую стипендию. С вашего позволения, прямо сейчас. – Профессор Эмерсон повернулся к ноутбуку и лихорадочно застучал по клавишам.

Джулия присосала к стулу. Другого решения своей участи она не ждала, но предполагать смертный приговор и услышать его – не одно и то же. Все это время профессор Эмерсон ни разу не взглянул на нее. Вот и сейчас он закрыл крышку ноутбука и пододвинул к себе другие бумаги.

– Не смею вас задерживать, мисс Митчелл.

Она не спорила, не пыталась себя отстаивать. Какой смысл? Этот человек принял решение, и все ее попытки кому-то что-то объяснить будут выглядеть неуклюжими и откровенно глупыми. «Нам очень жаль, что вы не сработались с таким блестящим специалистом, как профессор Эмерсон», – вот что ей скажут. И никому не будет никакого дела до причин и деталей.

Джулия встала на негнущиеся ноги. Голова слегка кружилась. Опозоривший ее рюкзак она прижала к груди и, не прощаясь, вышла из кабинета, больше похожая на зомби, чем на Джулию Митчелл.

Экзекуцию, начатую профессором Эмерсоном, продолжила погода. Когда Джулия шла сюда, погода прикинулась теплой и солнечной. Теперь же заметно похолодало, а она не взяла ни куртки, ни зонта. За считанные минуты тонкая футболка Джулии промокла насквозь. А до ее квартиры было еще целых три квартала. Недурная прогулка в компании дождя и холодного ветра.

«Боги плохой кармы и бурь, смилостивьтесь надо мной».

Немного утешало лишь то, что «рюкзачное недоразумение» хотя бы частично прикрывало ее от косых струй. Намокшая футболка становилась прозрачной, равно как и белый хлопчатобумажный лифчик. Вот тебе, профессор Эмерсон!

Джулия прокручивала в мозгу недавний разговор с ним. Нет, не зря она вчера собрала чемоданы. И все же она искренне надеялась, что он ее вспомнит, что будет добр к ней. Дождешься от него доброты!

Он даже не позволил ей объяснить всю эту дурацкую путаницу с запиской. Цветы и открытку счел частью насмешки. А как легко он выкинул ее из программы. Все конечно,

Джулия Митчелл. Какой еще другой университет? После отзыва, отправленного Эмерсоном, на изучении творчества Данте можно поставить крест. Ей больше не дадут стипендию. Что теперь? Позорное возвращение в Селингроув, в отцовский домишко... Потом и он узнает и посмеется над нею. Они все посмеются над нею. Глупышка Джулия. А она-то думала, что уедет из Селингроува, окончит аспирантуру, потом станет профессором... Кого она пыталась обмануть? Все кончено, на этот учебный год уж точно.

Джулия еще крепче прижала к себе промокший рюкзак. И надо же, чтобы эта чертова ляжка оборвалась у него в кабинете! Профессор Эмерсон и так считает ее гнусной насмешницей. А она еще и клоунаду устроила. Так опозориться перед ним! Нет, это было выше ее сил.

Впрочем, в чаше позора не хватало еще нескольких капель. Но ждать осталось недолго. В пять часов у профессора Эмерсона закончится рабочий день. Он нагнется за портфелем и обнаружит ее прокладку... Вот тогда ее позор станет полным. Хорошо еще, что она не увидит выражения его лица. Джулия вдруг представила, что ее прокладка на глазах у профессора Эмерсона превращается в здоровенную корову, а та рожает теленка. На его прекрасном персидском ковре.

Третий путь Джулия уже прошла. Ее длинные каштановые волосы превратились в сосульки и теперь липли ко лбу. Промокшие брюки хлюпали. Девушке казалось, что она превратилась в водосточную трубу. Поднимая фонтаны брызг, мимо проносились машины и автобусы, которые то и дело окатывали ее грязной водой. Когда случается крупная неприятность, мелкие уже не так досаждают.

В этот момент напротив Джулии затормозил новенький «Ягуар». Водитель плавно остановился, не окатив ее еще одной порцией грязи. Потом в машине открылась передняя дверь со стороны пассажирского сиденья.

– Садитесь, – произнес мужской голос.

Джулия не знала, как поступить. Садиться в незнакомую машину? Она огляделась по сторонам. Ни одного человека, даже в плаще и под зонтом. Джулия была единственная, кто решил испытать на себе всю мощь сентябрьского ливня.

Ей стало любопытно, и она подошла к машине. Маньяки и извращенцы встречаются везде, даже в Торонто. Впрочем, этого маньяка она знала. Более того, она рассталась с ним совсем недавно. Ну уж нет, профессор Эмерсон! Пусть она трижды промокнет, но...

– Что вы раздумываете? Полезайте в машину. Прогулки под таким дождем кончаются воспалением легких. От воспаления легких, кстати, умирают. Забирайтесь, я отвезу вас домой.

Теперь его голос звучал мягче. Лед растаял, камень раскрошился. Это был почти тот голос, который она помнила столько лет.

Только ради памяти прошлого Джулия согласилась сесть в машину. Она мысленно извинилась перед автомобильными богами за испачканное черное кожаное сиденье и безупречно чистые коврики.

За стеклами машины шумел дождь. А салон наполняли тихие звуки фортепьяно. Шопен, ноктюрн ми-бемоль мажор, сочинение номер девять, опус два. Джулия улыбнулась. Ей всегда нравился этот ноктюрн.

– Большое вам спасибо, профессор Эмерсон, – сказала она, поворачиваясь к водителю.

Глава 4

Кто-то усмотрит в этой уличной встрече профессора Эмерсона с насквозь промокшей Джулией Митчелл некий перст судьбы. Возможно, и так, хотя самому Эмерсону причина их встречи была предельно понятна: он оказался на Блур-стрит, поскольку свернул не туда. В какой-то мере вся его жизнь представляла собой совокупность «поворотов не туда», но этот он считал чистой случайностью. Ехать по центральной части Торонто в час пик – задача не из легких. Добавьте к этому невесть откуда взявшуюся грозу и сердитое электронное послание от брата, пришедшее на айфон Эмерсона. Последнее обстоятельство сыграло главную роль в том, что с Квинс-парк профессор свернул не налево, а направо. На Блур-стрит, в противоположную сторону от своего дома.

Блур-стрит не такое место, где в часы пик легко развернешься на сто восемьдесят градусов. Особенно если у тебя новенький «Ягуар», которым ты дорожишь. Профессору Эмерсону не оставалось ничего иного, как смиренно двигаться в общем потоке машин, что он и делал, пока не заметил на тротуаре несчастную мисс Митчелл. Она брела с отрешенностью бездомной, прижимая к груди свое «рюкзачное недоразумение». Эмерсона вдруг захлестнуло чувство вины, и он сделал то, на что не решился бы, будь на улице сухо. Он открыл дверь и позвал Джулию в салон машины.

– Я вам тут всю обшивку запачкаю, – извиняющимся тоном пробормотала Джулия.

Пальцы профессора Эмерсона впились в рулевое колесо.

– У меня есть кому почистить сиденье.

Ответ больно ударил по Джулии, и она опустила голову. Ну кто она для этого лощеного профессора? Комок уличной грязи, прах под его ногами.

– Где вы живете? – спросил Эмерсон, чтобы поскорее перейти со щекотливой темы на более пристойную и безопасную.

Он искренне надеялся, что их совместная поездка не затянется.

– На Мэдисон-стрит. Нужно проехать еще немного, а там будет поворот направо, – пояснила Джулия, махнув рукой в темное пространство.

– Не трудитесь объяснять. Я знаю, где находится Мэдисон-стрит, – отрезал он.

Украдкой поглядывая на профессора, Джулия подвинулась ближе к окошку. Уж лучше смотреть на мокрую улицу и желтые пятна фонарей, чем на этого напыщенного гордеца.

Профессор Эмерсон мысленно выругался. Даже с этой мочалкой темных мокрых волос Джулия Митчелл была чертовски привлекательной. Эдакий кареглазый ангел в джинсах и кроссовках. Профессорский разум зацепился за мысленную характеристику. Слова «кареглазый ангел» показались ему странно знакомыми. Где-то он уже их встречал, только забыл, где именно. Поскольку мозг не выдал ему мгновенный и точный ответ, профессор Эмерсон не стал напрягать память.

– Какой у вас номер дома? – спросил он уже мягче и совсем тихо.

– Сорок пять.

Он кивнул и вскоре затормозил напротив трехэтажного кирпичного дома, когда-то принадлежавшего одному хозяину, а нынче разделенного на квартиры.

– Спасибо, что подвезли, – пробормотала Джулия, берясь за ручку.

– Подождите, – остановил ее Эмерсон.

Он достал с заднего сиденья большой черный зонт. Джулия послушно ждала, не веря своим глазам. Недостигаемый профессор Эмерсон вылез наружу, раскрыл зонт, обошел свой «Ягуар» и открыл дверь со стороны пассажирского сиденья. Джулия вылезла вместе со своим злосчастным рюкзаком и в сопровождении профессора прошла несколько шагов до подъезда.

– Спасибо, – вновь сказала она и полезла в боковой карман рюкзака за ключами.

Неужели она настолько бедна, что не может позволить себе новый рюкзак? Он, конечно, знал о привязанности некоторых людей к старым вещам. Наверное, этот мокрый мешок ей чем-то дорог.

Похоже, сегодня все рюкзачные молнии сговорились против Джулии. Она дергала за бегунок, но тот не желал двигаться с места. Джулия покраснела. Эмерсону сразу вспомнилось ее лицо, когда она ползала по персидскому ковру, собирая рассыпанные вещи.

Ощущая себя косвенным виновником этой заминки, профессор вручил Джулии уже закрытый зонт, взял бунтарский рюкзак и рванул молнию. Почувствовав мужскую силу, та послушно скрипнула и разошлась. Эмерсон протянул рюкзак Джулии.

Она нашла ключи, но так нервничала, что уронила их. Джулия нагнулась, подняла ключи и попыталась дрожащими руками найти нужный ключ.

Исчерпав всякое терпение, профессор выхватил у нее кольцо с ключами, которые внешне казались похожими. Он стал пробовать один за другим, пока не нашел нужный. Открыв входную дверь, Эмерсон пропустил Джулию вперед и лишь потом вернул ей ключи. Смущенная Джулия вновь забормотала благодарности.

– Я провожу вас до квартиры, – вдруг сказал Эмерсон и пошел с ней к лестнице. – У вас тут даже консьержа нет. Мало ли что...

Джулия молила богов многоквартирных домов, прося помочь ей побыстрее найти ключ от квартиры. Боги ответили на ее молитву. Она открыла дверь. Оставалось распрощаться с профессором, войти к себе и закрыть дверь. Выйти из дома он сможет и без ее помощи: замок на двери подъезда защелкивается автоматически.

Но Джулия, улыбнувшись профессору, как старому знакомому, вежливо осведомилась, не желает ли он выпить чаю.

Удивленный таким приглашением, профессор Эмерсон как-то незаметно вошел в квартиру и лишь потом задался вопросом, стоило ли это делать. Оглядев тесное, убогое жилище, он быстро пришел к выводу, что не стоило.

– Позвольте ваш плащ, профессор, – попросила воспрянувшая духом Джулия.

– Только куда вы его повесите? – хмыкнул Эмерсон.

В квартире не было ни одежного шкафа, ни даже вешалки.

Джулия потупила глаза и втянула голову в плечи. Профессор увидел ее закушенную губу и сразу пожалел о своей грубости.

– Простите меня, – сказал он, подавая ей плащ от Барберри – еще один предмет его гордости. – Вы очень любезны, мисс Митчелл.

Джулия бережно повесила его плащ на крючок, привинченный к входной двери. Свой рюкзак она кинула прямо на пол.

– Проходите. Располагайтесь. Я приготовлю чай.

Стульев в жилище мисс Митчелл было всего два. Профессор Эмерсон сел на тот, что показался ему крепче. Он чувствовал себя очень неудобно и изо всех сил пытался это скрыть. Квартирка была меньше его ванной для гостей. Узкая кровать у стены, столик, два стула, книжная полка, похоже, что из магазина «ИКЕА», и комод. В стене – встроенный шкафчик. Крохотная ванная и никакого намека на кухню.

Она обещала приготовить чай. Интересно, где и каким образом? Поискав глазами кухонную утварь, профессор Эмерсон заметил микроволновку и электрическую плитку. Обе стояли на комодe, без всякой защитной подставки. Рядом с комодом, на полу, урчал маленький холодильник.

– У меня есть электрочайник, – сказала Джулия.

Сообщено это было с гордостью, словно она хвасталась бриллиантами от Тиффани.

Профессор вдруг обратил внимание, что с Джулии все еще стекает вода, а промокшая одежда стала вызывающе прозрачной. Он тут же предложил Джулии повременить с чаем и переодеться в сухое.

И опять Джулия покраснела и втянула голову в плечи. Она бросилась в свою мини-ванную, откуда вернулась, обвязанная пурпурным полотенцем. Второе полотенце она держала в руках и, судя по всему, намеревалась вытереть им образовавшуюся на полу лужу. Тут профессор не выдержал:

– Я сам вытру пол. А вы переоденьтесь, а то еще подхватите воспаление легких.

– И умру, – добавила она себе под нос.

Джулия раскрыла шкаф и принялась рыться в оставшейся одежде, стараясь не зацепиться за чемоданы. Профессору показалось странным, что мисс Митчелл так и не удосужилась упаковать свои вещи, но о причинах он спрашивать не стал.

Он забыл, когда в последний раз сам мыл пол. Естественно, пол в этой квартире тоже был убогим – истертым и скрипучим. Раздумывая над тем, почему у мисс Митчелл нет специальной тряпки для пола, профессор Эмерсон добросовестно вытер серо-коричневые половицы. Затем его взгляд переместился на стены, когда-то белые, а теперь ставшие грязновато-кремовыми, с завитками облупившейся краски. Потолок хранил следы протечек. Разводы в углу намекали на скорое появление плесени. Черт побери, почему такая милая девушка, как мисс Митчелл, должна жить в столь жутких условиях? Однако в квартире было на удивление чисто. Гордая бедность – у классиков это называлось так.

– И сколько же вы платите за свою квартиру? – спросил он, вновь скрючиваясь и садясь на шаткое сооружение, имевшее наглость называться стулом.

Кстати, ростом профессор Эмерсон почти не уступал Полу.

– Восемьсот канадских долларов. Это за все, включая свет, воду и отопление, – ответила Джулия, скрываясь в ванной.

Профессор Эмерсон с некоторым сожалением подумал о своих брюках от Армани. Вернувшись из Филадельфии, он их попросту выкинул. Он не представлял, как можно их надеть снова после столь обильного орошения младенческой мочой. Никакие химчистки уже не исправят того, что сотворил с ними крикливый ребенок. А между тем стоимость этих брюк, купленных Полиной, была выше месячной платы за каморку мисс Митчелл.

Продолжая разглядывать ее квартиру, профессор чувствовал все жалкие и бессмысленные потуги Джулии сделать это место своим домом. Над кроватью она повесила большую репродукцию картины Генри Холидея «Встреча Данте и Беатриче на мосту Санта-Тринита». Эмерсон представил, как она каждый вечер, перед сном, смотрит на эту картину, разметав по подушке свои длинные сияющие волосы. Мысль эту он тут же благоразумно запихнул в глубины подсознания. Странно, у них обоих есть одинаковая репродукция полотна Холидея. Но еще более странным было только сейчас подмеченное им сходство Джулии с Беатриче. Мысль ввинтилась в его мозг, точно штопор, однако профессор был начеку и сразу же ее отбросил.

Обшарпанные стены украшало еще несколько картин из итальянской жизни: рисунок флорентийского собора, набросок собора Святого Марка в Венеции. Была и черно-белая фотография римского собора Святого Петра. Весь подоконник занимали горшки с цветами, среди которых выделялся черенок рододендрона. Похоже, мисс Митчелл делала все, чтобы черенок прижился и разросся. Профессору Эмерсону понравились сиреневые занавески на окнах, прекрасно гармонирующие с покрывалом и подушками на кровати. Книжная полка была заставлена книгами на английском и итальянском языках, подобранными со вкусом. Это тоже немало удивило профессора. Однако никакие картины, цветы и книги не могли скрыть убожество маленькой, давно не ремонтировавшейся квартиры, не имевшей даже кухни. Нет, он бы и свою собаку не поселил в такой «конуре»... конечно, если бы у него была собака.

К этому времени Джулия переделалась в подобие спортивного костюма – черную фуфайку с капюшоном и эластичные облегающие брюки. Свои роскошные волосы она собрала в пучок. Даже такой наряд не лишил ее привлекательности. Она была чертовски хороша. Настоящая сильфида.

– Какой сорт чая вам заварить? У меня есть «Английский завтрак» и «Леди Грей».

Плитку Джулия поставила на пол, а на ее место водрузила чайник. Потом она размотала провод и полезла под комод, где находилась розетка.

Профессору сразу вспомнилось, как она ползала по полу у него в кабинете, и он мысленно покачал головой. У этой девушки не было ни высокомерия, ни горделивого себялюбия. Что ж, похвально. Тем не менее профессору почему-то было невыносимо постоянно видеть ее на коленях. Почему – он и сам не понимал.

– Лучше «Английский завтрак». Скажите, а почему вы здесь живете?

Неожиданность вопроса и резкость его тона заставили Джулию вскочить на ноги. Стоя к профессору спиной, она достала большой керамический заварочный чайник и две красивые фарфоровые чашки с блюдцами.

– Здесь тихо. Приятное окружение. Машины у меня нет, а отсюда легко добираться пешком до университета. – Она достала пару серебряных чайных ложек. – И потом, это была лучшая квартира из предлагавшихся за такие деньги.

Не взглянув на профессора, Джулия поставила чашки на столик и вернулась к комоду.

– А почему вы не поселились в аспирантском общежитии на Чарльз-стрит?

Джулия что-то уронила. С его места было не видно, что именно.

– Я рассчитывала поступить в аспирантуру другого университета, но у меня не получилось. А к тому времени, когда я приехала в Торонто, мест в том общежитии уже не было.

– И где же вы рассчитывали учиться? – Джулия не отвечала, терзая зубами нижнюю губу. – Мисс Митчелл, я ведь задал вам вопрос.

– В Гарварде, – буркнула она.

Профессор Эмерсон едва не грохнулся с жесткого стула.

– В Гарварде? Тогда какого черта вас понесло сюда?

Джулии хотелось улыбнуться. Она знала причину профессорского вопроса.

– Торонто называют Северным Гарвардом.

– Не юлите, мисс Митчелл. Я хочу слышать ваш ответ.

– Да, профессор. Я знаю, вы всегда требуете ответов на ваши вопросы. – Она выгнула брови, и профессор поспешно отвернулся. – Мне нечего скрывать. Моему отцу высшее образование его дочери не по карману. На предоставленную мне стипендию в Гарварде не прожить. Жизнь в Торонто гораздо дешевле. На мне и так висит несколько тысяч долга по студенческому займу в Университете Святого Иосифа. Я решила не делать новых долгов и потому оказалась здесь.

Закипевший чайник вновь заставил Джулию опуститься на колени, чтобы выдернуть вилку из розетки.

– Я этого не знал, – морщась, сказал профессор Эмерсон. – В вашем личном деле это не отражено. Вам следовало бы рассказать администрации о вашем... материальном положении.

Джулия пропустила его слова мимо ушей. Она ополоснула заварочный чайник, засыпала туда чай и залила кипятком.

Профессор не мог успокоиться.

– Нельзя жить в таком ужасном месте, – говорил он, неистово размахивая руками. – Здесь даже кухни нет. Я не представляю, как вы готовите себе еду.

Джулия поставила чайник на столик, добавив к нему серебряное ситечко, затем села на другой стул. Ее руки начали двигаться сами собой.

– Я ем много овощей. На плитке можно прекрасно готовить кускус. Кстати, кускус – очень питательное блюдо.

Ее голос немного дрожал, но она старалась говорить бодро, всем видом показывая, что приехала сюда изучать творчество Данте, а не улаживать собственное чрево.

– Не болтайте ерунды! – вырвалось у профессора. – Питательное блюдо! Собаку и ту лучше кормят!

Джулия густо покраснела, съежилась. Она с трудом сдерживала слезы.

Профессор только сейчас сообразил, до чего же глупо и оскорбительно он себя ведет в чужом доме, каким бы этот дом ни был. Глядя, как исказилось красивое лицо Джулии, профессор Габриель О. Эмерсон мысленно назвал себя самовлюбленным идиотом. Он посмел стыдить ее за бедность, словно бедность – это нечто позорное. А ведь и он сам когда-то был беден. Очень беден. А Джулия – умная, привлекательная девушка. Аспирантка, которая всерьез хочет заниматься творчеством Данте. Что постыдного во всем этом? Или она должна стыдиться своего отца, не сумевшего заработать ей на Гарвард? Как говорят англичане? «Если не можешь иметь лучшее, используй наилучшим образом то, что имеешь». Вот она и старается превратить эту дыру в уютное жилище, поскольку другое ей не по карману. А он пришел сюда и позволил заявить, что это место не годится даже в качестве жилья для собаки! Браво, профессор Эмерсон! Он заставил Джулию почувствовать себя глупой и никчемной, хотя она не то и не другое. Что бы сказала Грейс, если бы слышала сейчас его слова?

Профессор Эмерсон оказался придурком. По крайней мере, он это знал.

– Простите меня, – с трудом выговаривая слова, произнес он. – Сам не знаю, что на меня нашло. – Он закрыл глаза и принялся массировать веки.

– Вы совсем недавно потеряли мать.

В голосе Джулии не было и тени обиды! Только сострадание и готовность простить его за все резкости.

У Эмерсона щелкнул внутренний выключатель.

– Мне не надо было сюда приходить, – сказал он, поднимаясь со стула. – Я лучше уйду.

Джулия его не удерживала. Она подала профессору зонт, затем сняла с крючка его плащ. Она стояла, опустив глаза и чувствуя, как пылают ее щеки. Ушел бы он скорее! Какая же она была дура, пригласив его на чай и показав свое жилище. Еще бы, такие дыры лишь оскорбляют утонченный эстетический вкус профессора Эмерсона. Утром она гордилась идеальной чистотой, наведенной в этой «хоббитовой норе», а сейчас чувствовала себя раздавленной и опустошенной. Оттого что он видит ее жалкой и униженной, ей становилось еще тошнее.

Кивнув ей и пробормотав что-то неразборчивое, профессор Эмерсон покинул ненавистное ему жилище.

Джулия прислонилась спиной к закрытой двери и наконец позволила себе зареветь.

Тук-тук. Тук-тук.

Она знала, кто стучится, но открывать не хотела.

«Боги «хоббитовых нор», в которых недостойна жить даже собака, но за которые приходится каждый месяц выкладывать кругленькую сумму, сделайте так, чтобы он ушел с миром». Эти боги оказались менее сговорчивыми и не ответили на ее молитву.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Джулия быстро вытерла рукавом лицо и чуть-чуть приоткрыла дверь.

Профессор удивленно моргал, глядя на нее так, словно она была рождественской елкой. До него с трудом доходило, что за короткое время между его уходом и возвращением она успела власть пореветь.

Джулия кашлянула, глядя на его итальянские ботинки со слегка загнутыми носами. Профессор переминался с ноги на ногу.

– Когда вы в последний раз ели что-нибудь мясное? – вдруг спросил он.

Джулия засмеялась и покачала головой. Такие мелочи она не запоминала. Какие бифштексы с ее стипендией?

– Во всяком случае, вскоре вас ожидает встреча с изысканно приготовленным мясом. Я жутко проголодался, и вы поедете со мною обедать.

Она позволила себе легкую язвительную улыбку.

– Вы уверены, профессор, что потом не будете жалеть? Вдруг мое общество вызовет у вас те же чувства, что и моя квартира? – Она скорчила рожицу, подражая одной из его недавних гримас.

Профессор Эмерсон слегка покраснел:

– Что было, то прошло. Вот только...

Он выразительно поглядел на ее одежду, задержавшись несколько дольше, чем позволяли приличия, на вырезе ее футболки и округлостях ее красивой груди.

– Я могу переодеться, – сказала Джулия, в который уже раз опуская глаза.

– Да, именно это я и имел в виду. Найдите у себя что-нибудь более подходящее...

Она понимала: он вовсе не хотел ее обидеть. И все равно его слова больно ее задели.

– Пусть я не из богатых, но у меня есть более подходящие, как вы изволили выразиться, вещи. Не беспокойтесь, вам не придется краснеть за то, что привели с собой вульгарную девчонку.

Профессор покраснел еще больше.

– Я имел в виду... одежду, более подходящую для ресторана. Ведь и мне придется надеть пиджак и галстук.

Теперь Джулия окинула его взглядом, задержавшись дольше, чем позволяли приличия, на проступающих под свитером широких грудных мышцах.

– Я соглашусь поехать с вами при одном условии.

– Ваша поездка не обсуждается.

– В таком случае, профессор, приятного вам аппетита без меня.

– Подождите.

Он просунул свой дорогой итальянский ботинок в щель между дверью и косяком. Сейчас его не волновало, что на коже могут остаться царапины или потертости.

– Какое ваше условие?

– Объясните, почему после всего, что вы мне наговорили, я должна ехать с вами на обед?

Умница-профессор очумело поглядел на нее, затем покраснел до корней волос и забормотал, запинаясь на каждом слове:

– Я... э-э... потому что... вы могли бы сказать, что мы... или вы... – Джулия удивленно повела бровью и стала медленно закрывать дверь. – Постойте. – Он уперся рукой в дверь, не давая Джулии закрывать ее и калечить его правую ногу. – Потому что Пол написал сущую правду. «Эмерсон – придурок». Но теперь Эмерсон, по крайней мере, это знает.

Джулия вдруг улыбнулась ему, и он, сам того не желая, тоже улыбнулся. Когда она улыбалась, то становилась просто неотразимой. Он был готов сделать так, чтобы она улыбалась почаще. Зачем? Ради эстетического удовольствия.

– Я подожду вас на лестнице.

Не дав ей опомниться и придумать новое возражение, профессор быстро захлопнул дверь.

Оставшись одна, Джулия закрыла глаза и застонала. Она не привыкла к столь стремительным поворотам событий.

Глава 5

Несколько минут профессор Эмерсон мерил шагами лестничную площадку на ее этаже. Потом он привалился к стене и начал массировать лицо. Он не понимал, что заставило его проводить Джулию до дверей квартиры, принять приглашение на чай, а потом наговорить ей кучу гадостей. Зато он хорошо понимал, что запущенная им цепная реакция глупостей может принять угрожающие размеры. Начать с их встречи у него в кабинете. Он непрофессионально вел себя с мисс Митчелл и балансировал на грани прямых словесных оскорблений. Мало того, посадил ее к себе в машину. Одну. Наконец, словно ему было мало других неприятностей, оказался у нее в квартире. Все это грубым образом нарушало правила Торонтского университета.

Если бы он подобрал на улице не Джулию, а мисс Петерсон, та бы времени не теряла. Она бы нагнулась и зубами открыла молнию на его брюках. Подумав об этом, профессор вздрогнул. Ему вдруг захотелось свозить мисс Митчелл на обед и угостить хорошим стейком. Если это не будет считаться нарушением правил общения между преподавателями и студентами, тогда сам черт не разберет, что считать нарушениями.

Он глубоко вдохнул, успокаивая карусель мыслей. Конечно, таких, как эта мисс Митчелл, называют «стихийное бедствие». У таких непременно все падает, бьется, ломается и так далее. За нею тянулся целый шлейф неудач, начиная с неосуществленного желания учиться в Гарварде. Более того, она центр вихря, способного разрушить спокойную и размеренную жизнь любого человека, включая и его, профессора Эмерсона. Жаль, конечно, что ей придется жить в столь отвратительных условиях, но он не станет рисковать своей карьерой ради помощи ей. Она и так могла бы завтра отправиться к декану факультета и подать жалобу на оскорбительное поведение и сексуальные домогательства со стороны профессора Эмерсона. А вот этого допускать никак нельзя.

Сколько же времени ей надо на сборы? Или она раздумала ехать с ним? Тогда все равно нужно постучаться в дверь и хоть как-то извиниться за свое прежнее поведение. Лучше так, чем молча исчезнуть. Профессор быстро подошел к двери и уже собрался постучать, но услышал ее шаги. Потом дверь открылась.

Мисс Митчелл стояла, опустив глаза. На ней было простое, но элегантно, с V-образным вырезом черное платье до колен. Профессорские глаза скользнули по плавным изгибам ее фигуры. Он и не подозревал, что ноги у Джулии длинные и очень красивые. А ее туфли... Конечно, она никак не могла этого знать, но профессор Эмерсон питал слабость к женщинам в изящных туфлях на высоком каблуке. Черные туфли Джулии явно были куплены не в обувном отделе заурядного универмага, а в фирменном и весьма дорогом магазине. Профессору захотелось потрогать их...

Джулия кашлянула, напоминая о своем присутствии, и он нехотя оторвался от созерцания туфель. Джулия с нескрываемым изумлением смотрела на него.

Волосы она заколола пучком на затылке, но несколько локонов выбилось из прически, обрамляя лицо. Мисс Митчелл не злоупотребляла косметикой. Она чуть-чуть подрумянила щеки, слегка подвела глаза и, кажется, подкрасила ресницы. Во всяком случае, ресницы у нее стали длиннее и темнее.

Мисс Джулианна Митчелл была по-настоящему обаятельна.

Она надела темно-синий плащ и быстро заперла дверь. Профессор пропустил ее вперед и пошел следом. Спускались молча. На крыльце он раскрыл зонт и в нерешительности остановился. Джулия поглядывала на него, не понимая причины замешательства.

– Если вы возьмете меня под руку, мы оба уместимся под зонтом, – наконец сказал он и согнул левую руку, в которой держал зонт. – Конечно, если вы не возражаете.

Джулия взяла его под руку и как-то нежно посмотрела на него.

В молчании они доехали до гавани. Об этих местах Джулия лишь слышала, но никогда тут не бывала. Прежде чем отдать ключи служащему ресторана, занимавшемуся парковкой машин посетителей, профессор попросил Джулию открыть бардачок и передать ему галстук. Джулия мысленно усмехнулась, увидев безупречный шелковый галстук в специальном футляре.

Всего лишь на секунду, принимая от нее футляр, профессор Эмерсон уловил ее запах.

– Ваниль, – прошептал он.

– Что вы сказали? – спросила она.

– Так, мысли вслух.

Он быстро снял свитер, но Джулия успела заметить его стройную фигуру в рубашке и завитки черных волос на груди. Потом он застегнул верхнюю пуговицу, лишив ее этого зрелища. «А ведь он сексапильный», – подумала Джулия. Красивое лицо, красивая фигура. Надо думать, все, что у него скрыто одеждой, столь же привлекательно. Джулия тут же старательно отогнала эту мысль, решив для собственного блага не слишком много думать о профессоре.

В молчаливом изумлении она смотрела, как он легко и уверенно повязывает галстук. Надо же, без зеркала. Однако зеркало было бы не лишним, поскольку узел на галстукe получился кособоким.

– Ч-черт, не вижу, где перетянул, – бормотал профессор Эмерсон, безуспешно пытаясь расправить узел.

– Вам помочь? – робко предложила Джулия, не желая это делать без его согласия.

– Да, спасибо.

Проворные пальцы Джулии быстро придали узлу надлежащий вид. Потом она поправила воротник и ненароком коснулась профессорского кадыка. К тому времени, когда процедура закончилась, лицо Джулии пылало, а сама она часто дышала.

Профессор не обратил на это внимания, поскольку его мысли были заняты другим. Пальцы Джулии показались ему до боли знакомыми. Чушь, конечно, но он никак не мог отделаться от этого ощущения. А вот пальцы Полины почему-то так и остались для него чужими. Он снял с вешалки пиджак, пристроенный возле заднего сиденья, и быстро облачился по всем ресторанным правилам. Потом улыбнулся Джулии и открыл дверь машины.

Стейкхаус «Гавань-60» был достопримечательностью Торонто. В этом знаменитом и очень дорогом заведении любили собираться крупные бизнесмены, руководители корпораций, политики, звезды шоу-бизнеса и другие выдающиеся личности. Профессора Эмерсона притягивала здешняя безупречная кухня. Нигде не готовили мясо вкуснее, чем в «Гавани-60», а он терпеть не мог посредственности ни в чем, в том числе и в еде. Ему бы и в голову не пришло повезти Джулию куда-то еще.

Антонио, метрдотель ресторана, встретил профессора как старого друга, крепко пожал ему руку и обрушил на него целую лавину стремительной итальянской речи.

Профессор отвечал ему учтиво и тоже по-итальянски.

– А кто эта красавица? – спросил Антонио, поцеловав Джулии обе руки.

Все это сопровождалась выразительными итальянскими эпитетами по поводу ее глаз, волос и кожи.

Джулия покраснела и поблагодарила Антонио, заговорив с ним на его родном языке.

Профессор еще днем убедился, что у мисс Митчелл красивый голос. Но когда она говорила по-итальянски, этот голос звучал божественно. Ее алые губы красиво изгибались, произнося... нет, пропевая каждое слово. А иногда она высовывала кончик языка, чтобы их облизать... Профессору Эмерсону пришлось несколько раз напомнить себе, что сидеть с открытым ртом, да еще в таком месте, – это верх неприличия.

Услышав итальянскую речь Джулии, Антонио засиял от радости. Порывистый итальянец расцеловал ее в обе щеки, после чего повел ее и профессора в дальний конец зала, где у него имелся исключительно романтический столик на двоих. Профессор остановился возле

столика, ощущая некоторую неловкость. Не так давно он сидел за этим столиком, но с другой спутницей. Нужно деликатно попросить Антонио, чтобы он пересадил их за другой столик. Однако прежде чем профессор успел открыть рот, метрдотель спросил Джулию, не желает ли она попробовать вина одного весьма урожайного года. Тогда его тосканская родня собрала замечательный урожай винограда, отличающегося особым вкусом.

Джулия рассыпалась в благодарностях, но тут же добавила, что у профессора могут быть другие предпочтения. Профессор быстро сел и, не желая обижать Антонио, сказал, что с благодарностью примет все, что тот предложит. Довольный Антонио быстро удалился.

– Думаю, на людях вам не стоит называть меня профессором Эмерсоном. – Джулия улыбнулась и кивнула. – Называйте меня просто мистером Эмерсоном.

Мистер Эмерсон погрузился в изучение меню и не заметил, как глаза его спутницы удивленно расширились, а затем погасли.

– Кстати, откуда у вас тосканский акцент? – спросил он, по-прежнему не поднимая на нее глаз.

– Первый курс университета я училась в Италии. Целый год провела во Флоренции.

– Ваш итальянский гораздо лучше. Такого не достигнешь за год жизни в Италии.

– Я начала учить итальянский еще в старших классах школы.

Теперь мистер Эмерсон поднял глаза и увидел, что Джулия избегает его взгляда. Она внимательно изучала меню, словно оно содержало не название блюд, а экзаменационные билеты. Нижняя губа была закушена.

– Что вас тревожит, мисс Митчелл? Я же пригласил вас сюда. – Она вопросительно посмотрела на него. – Вы моя гостя. Заказывайте все, что пожелаете. Только обязательно выберите себе мясное блюдо.

Возможно, это было не совсем вежливо, но профессор ощущал необходимость напомнить ей, зачем она здесь. Помимо всего прочего, чтобы подкрепиться более существенной едой, нежели кускус.

– Я даже не знаю, что заказывать.

– Тогда, если не возражаете, я возьму выбор на себя.

Она кивнула и закрыла меню, но терзать нижнюю губу не перестала.

Вернувшийся Антонио горделиво поставил на стол бутылку кьянти. Надписи на этикетке были сделаны от руки. Джулия с улыбкой смотрела, как метрдотель торжественно откупоривает бутылку и наливает вино в ее бокал.

Мистер Эмерсон завороченно следил за ее движениями. Вот она слегка покачала бокал, потом подняла его, чтобы посмотреть на вино в свете горящей свечи. Затем поднесла бокал к носу, закрыла глаза и осторожно вдохнула аромат. Завершив этот ритуал, Джулия осторожно пригубила вино, подержала во рту и медленно проглотила. Открыв глаза, она лучезарно улыбнулась Антонио и поблагодарила его за столь драгоценный подарок.

Антонио расцвел. Он похвалил мистера Эмерсона за прекрасную спутницу, следует признаться – с излишней восторженностью, потом собственноручно наполнил оба бокала своим любимым вином и ушел, оставив гостей наедине.

Мистер Эмерсон, пользуясь полумраком, опустил руку под стол и поправил брюки, вздущиеся в одном месте. Иначе и быть не могло, поскольку зрелище Джулии, дегустирующей тосканское вино, – это самое эротическое зрелище, какое ему доводилось видеть. Она была не просто привлекательной или красивой, хотя природа наделила ее красотой ангела или музы. Красота Джулии, несомненно чувственная, обладала гипнотическим действием. И в то же время это была красота невинной девушки. Ее прекрасные глаза отражали всю глубину чувств и излучали невинность. Странно, что он не заметил этого раньше.

Эмерсон отвел взгляд, вдруг почувствовав себя грязным. Ему стало очень стыдно за свою реакцию. Это ангельское создание пробуждало в нем далеко не ангельские чувства и желания.

Надо будет об этом задуматься. Когда останется один. Когда вернется домой, где тоже пахнет ванилью.

Он заказал самые большие порции филе-миньон, какие только существовали в этом ресторане. Все протесты мисс Митчелл он отменил взмахом руки, заметив, что недоеденное она сможет взять с собой. По его расчетам, это позволит ей нормально питаться еще пару дней.

А что она будет есть потом? Профессор тут же отогнал мелькнувший вопрос. Этот вечер – однократное событие, вынужденное, чтобы загладить его хамское поведение в кабинете и у нее дома. Вечер закончится, и отношения между ними снова примут строго официальный характер. Все дальнейшие «стихийные бедствия» она пусть устраивает и преодолевает одна, без него.

Ход мыслей Джулии был совсем другим. Она искренне радовалась этому вечеру. Ей хотелось, чтобы профессор снял защитные барьеры и они смогли бы поговорить. Поговорить о более серьезных вещах, чем сорта итальянских вин и особенности итальянских блюд. Она хотела расспросить его о семье и похоронах. Ей хотелось по возможности утешить его. Более того, хотелось шепотом, на ухо, поведать ему о своих секретах и в ответ выслушать его секреты. Да, он смотрел на нее, но его взгляд был совершенно холодным и отрешенным. Похоже, сегодня ей не суждено получить желаемое.

Джулия улыбнулась этой мысли и продолжила есть, нарочито громко стуча вилкой и ножом. Вдруг ее нервозность спровоцирует его на вопрос и в крепостной стене появится маленькая брешь?

– Кстати, а что вас подвигло в старших классах на изучение итальянского языка?

Джулия шумно вздохнула, округлила глаза и удивленно раскрыла очаровательный рот. Наблюдая такую реакцию на свой вопрос, мистер Эмерсон наморщил лоб. Разве он спросил о чем-то запретном, вроде размера ее лифчика? Его глаза невольно переместились на ее грудь. Профессор покраснел, обнаружив, что знает и номер, и размер чашечек. Как и откуда – этого он понять не мог.

– В общем-то, ничего особенного. Заинтересовалась итальянской литературой. Увлечлась Данте и... Беатриче. – Говоря, Джулия теребила салфетку на коленях, а выбившиеся локоны нервно подрагивали.

Профессору вспомнилась репродукция в ее квартире. Потом он вдруг подумал о необычайном сходстве Джулии с Беатриче. Мысль была опасной, и он тут же выбросил ее из головы.

– Похвальный интерес, особенно если учесть, что старшеклассниц обычно интересует совсем другое, – заметил он, стараясь в то же время впитать в себя и запомнить ее красоту.

– У меня была... подруга. Пожалуй, это она заразила меня интересом к итальянской литературе.

Почему-то слова о подруге звучали с оттенком невыразимой грусти.

Профессор почувствовал, что направляется прямым ходом к своей старой ране, чего делать было никак нельзя. Он спешно дал задний ход и переключил тему разговора:

– Антонио в восторге от вас.

– Он очень добр, – мило улыбнувшись, ответила Джулия.

– А вы ведь от доброты расцветаете, как роза.

Слова выскользнули из уст профессора Эмерсона раньше, чем сработал мозговой контроль. Он был тут же вознагражден ее более чем теплым взглядом. Ему стало не по себе, и он трусливо, по-мальчишески, захлопнулся. Вперился глазами в свой бокал с вином и в тарелку. Постепенно черты профессорского лица обрели прежнюю холодность. Джулия заметила перемену и больше не делала попыток вовлечь его в откровенный разговор.

Положение спасал очарованный Джулией Антонио. Метрдотель чаще, чем требовалось, присаживался за их столик и болтал по-итальянски с прекрасной Джулианной. Антонио пригласил ее на следующее воскресенье в Итало-канадский клуб, где обещал познакомить со своей

семьей и угостить изысканным обедом. Джулия с благодарностью согласилась, за что была вознаграждена тирамису, эспрессо, бискотти, рюмочкой граппы, а также шоколадными конфетами «Васі»².

На профессора Эмерсона щедрость Антонио не распространялась, и ему оставалось лишь молча смотреть, как мисс Митчелл поглощает эти деликатесы.

В конце их визита Антонио вручил Джулии внушительную корзинку и сказал, что не желает слушать никаких возражений. Метрдотель вновь расцеловал ее в обе щеки, причем несколько раз, сам подал ей плащ и попросил профессора почаще привозить сюда его очаровательную спутницу.

Последнюю просьбу профессор Эмерсон выслушал с каменным лицом и ледяным взглядом.

– Это невозможно, – пробормотал он и торопливо покинул ресторан, предоставляя Джулии самой нести подарок метрдотеля.

Провожая взглядом столь странную пару, Антонио чесал в затылке и никак не мог понять профессора. Привести изумительную девушку в столь романтическое место и целый вечер просидеть молча. Должно быть, у бедняги-профессора какие-то неприятности на работе.

Довезя мисс Митчелл до ее дома, профессор Эмерсон учтиво открыл ей дверь и достал с заднего сиденья тяжелую корзину. Не удержавшись, он поднял крышку и заглянул внутрь:

– Недурно. Вино, оливковое масло, бальзамический уксус, печенье, банка домашнего мармелада от жены Антонио и остатки вашего ужина. Этого вам хватит на несколько дней сытной жизни.

– Благодарю вас, – улыбнулась Джулия, протягивая руку к корзине.

– Корзина тяжелая. Я донесу ее до входной двери.

Он сделал то, что сказал, и теперь ждал, когда Джулия откроет дверь. Тогда он отдал ей корзину.

Взгляд Джулии уперся в ее элегантные туфли. Вот и все. Им пора прощаться. От этой мысли у нее почему-то вспыхнули щеки.

– Спасибо вам, профессор Эмерсон, за прекрасный вечер. Это было так великодушно с вашей стороны, что вы...

– Мисс Митчелл, – перебил ее профессор, – давайте не усугублять и без того нелепую ситуацию. Я прошу извинить меня за... прежние грубости. Единственно, что могу сказать в свое оправдание, – это было вызвано причинами... весьма личного характера. Так что пожмем друг другу руки и... оставим все в прошлом.

Он протянул руку. Джулия протянула свою. Профессор старался не причинить ей боль слишком уж сильным рукопожатием. Он старался не замечать ни дрожи ее пальцев, ни вздувшихся вен.

– Спокойной ночи, мисс Митчелл.

– Спокойной ночи, профессор Эмерсон.

С этими словами Джулия скрылась за дверью. Профессор счел, что его вина заглажена.

Где-то через час после их прощания Джулия сидела на кровати и разглядывала фотографию, которую всегда держала у себя под подушкой. Она очень долго смотрела на снимок, решая, как поступить с ним. Вариантов было три: разорвать на мелкие кусочки, оставить на прежнем месте или убрать в комод. Ей всегда нравился этот снимок – самый прекрасный из всех снимков. И в то же время ей было очень больно глядеть на него.

Потом она подняла глаза к своей любимой репродукции и закусила губу, удерживая слезы. Она не знала, чего ждала от своего Данте, но ожидаемого не получила. И потому с муд-

² «Васі» – всемирно известные конфеты из шоколада и лесных орехов. В переводе с итальянского *vasi* означает «поцелуй». В каждой конфетке спрятана записка с высказыванием на любовную тему.

ростью, обретаемой только через разбитое сердце, она решила отпустить его на все четыре стороны.

Она думала о щедрости Антонио. Теперь ее импровизированная кладовка полностью забита снедью. Потом она вспомнила о нескольких голосовых сообщениях Пола. Пол ругал себя за то, что оставил ее один на один с профессором, и просил позвонить в любое время и сообщить, что с ней все в порядке.

Джулия побрела к комоду, выдвинула верхний ящик и бережно, но решительно положила фотографию на самое дно, под комплект эротического нижнего белья, которое она ни разу не надела. Думая о трех совершенно непохожих мужчинах, она улеглась в кровать, закрыла глаза и уснула. Ей снился заброшенный яблоневый сад.

Глава 6

В пятницу Джулия вынула из своего почтового ящика официальное уведомление о соглашении профессора Эмерсона быть руководителем по избранной ею теме. Что же заставило уважаемого профессора отказаться от его прежнего решения? Впрочем, долго раздумывать над этой метаморфозой Джулии помешал Пол.

– Ты готова? – донеслось сзади. – Тогда пошли.

Джулия улыбнулась ему. Конверт с извещением она запихнула в карман все того же рюкзака с наспех пришитой ляжкой. Они вышли из здания факультета и направились в ближайший «Старбакс». Идти было недалеко – каких-нибудь полквартала.

– Хочу спросить тебя о встрече с Эмерсоном. Но сначала я сам должен тебе кое-что рассказать, – серьезным тоном сообщил Пол. Джулия с некоторой настороженностью посмотрела на него. – Да не бойся, Крольчиха. Ничего опасного, – потрепал он ее по руке. У этого широкоплечего, рослого парня было удивительно доброе сердце, остро чувствующее чужую боль. – Я знаю про историю с запиской, – сказал Пол.

Джулия закрыла глаза и мысленно выругалась.

– Пол, мне так неловко. Я собиралась сама рассказать тебе об этом ляпе, но как-то не удавалось. Я не говорила ему, кто писал про... придурка.

– Не волнуйся, – тронул ее за плечо Пол. – Это я тоже знаю. Я сам ему сказал.

– Ты? Зачем? – изумилась Джулия.

Глядя в большие карие глаза Крольчихи, Пол чувствовал: он готов на все, лишь бы не позволить кому-либо обижать эту славную девчонку. Даже если это разрушит его карьеру ученого. Даже если придется вытащить Эмерсона из уютного профессорского кабинета и хорошенько проучить за высокомерие и нетерпимость. Профессорский зад давно заслужил двойной порции розог или сильного пинка. Возможно, то и другое.

– От миссис Дженкинс я узнал, что Эмерсон назначил тебе срочную встречу. Я сразу понял, с какой целью: отшлепать тебя словами и объявить, что теперь ты можешь убираться ко всем чертям. А ксерокопию нашей записки я нашел среди прочих материалов, которые он мне оставил. – Пол поморщился. – Дополнительный риск, когда работаешь лаборантом у высокоученого чувака вроде Эмерсона.

Джулия застыла на месте. Пол осторожно взял ее за руку и предложил продолжить разговор в тепле, за большой чашкой ванильного кофе-эспрессо с горячим молоком.

Мест в «Старбаксе» было предостаточно. Они прошли в дальний конец. Джулия по-кошачьи расположилась на пурпурном бархатном диванчике, наслаждаясь теплом и кофе. Полу было приятно сознавать, что сейчас ей хорошо и, пока они здесь, Крольчихе не грозят никакие опасности.

– Понятное дело: цепь дурацких случайностей, – вернулся к прерванному разговору Пол. – Немудрено. Он тебя на первом же семинаре погладил против шерсти. Вообще-то тебе не стоило ходить к нему. А вот мне – очень даже стоило. Честное слово, Джулия, я его таким еще не видел. Надменность, брезгливость – это бывало у него и раньше. Но чтобы он так нагло вел себя с женщинами... Подумаешь, ты прослушала его вопрос. Так тебя что, из-за этого гнобить нужно? На твою экзекуцию и смотреть-то было больно.

Джулия потягивала кофе и ждала продолжения монолога.

– Словом, когда я нашел ксерокопию обеих сторон этой чертовой бумажки, то понял: Эмерсон решил живьем изжарить тебя на углях. Я выведал, на какое время назначена ваша встреча, и тоже договорился с ним о встрече, причем непосредственно перед вашей. Я прикинулся Эмерсону, что фраза о придурке написана моей рукой. Я даже соврал ему и попытался убедить его, что ради шутки подделал твою подпись. Он на это не купился.

– И ты все это сделал ради меня?

Пол улыбнулся и пошевелил своими ручищами.

– Я хотел стать живым щитом между им и тобой. Решил принять огонь на себя. Мне-то что: пусть орет, пока не охрипнет. Чем больше он выплеснет на меня, тем меньше достанется тебе. – Он посмотрел на Джулию и со вздохом пожал плечами: – Увы, моя стратегия не сработала.

– За меня еще никто не заступался, – призналась Джулия, с благодарностью глядя на добродушного верзилу. – Я перед тобой в долгу.

– Брось. Я просто хотел оттянуть весь его дерьмовый поток на себя. Кстати, что он тебе говорил? – Джулия разглядывала кофейную чашку, делая вид, что не расслышала вопроса. – Неужели было так скверно, что и вспоминать не хочется? – Пол задумчиво поскреб подбородок. – Но мой визит не пропал даром. На последнем семинаре Эмерсон был вполне вежлив с тобой.

– Да уж, – усмехнулась Джулия. – Зато он не дал мне ответить ни на один вопрос, сколько бы я ни тянула руку. По-моему, Криста Петерсон высказывается за всех нас.

Пола удивило, что такая мелочь вызвала у Джулии вспышку недовольства.

– Об этом можешь не беспокоиться. Криста усердствует на семинарах, потому что с ее диссертацией не все гладко. Эмерсону не нравится избранное ею направление. Он мне сам говорил.

– Как ужасно. А ей это известно?

– Пора бы догадаться, – пожимая плечами, ответил Пол. – Но кто знает? Главная цель Кристи – соблазнить Эмерсона, и тогда можно будет не беспокоиться ни о каких диссертациях. Смотреть противно.

Джулия постаралась это запомнить. Так, на всякий случай; может, в будущем пригодится.

Ей некуда было торопиться. Она наслаждалась теплом кофейни и приятным обществом Пола. Он рассказывал ей о Торонто, и Джулия все больше склонялась к мнению, что, приехав сюда, сделала неплохой выбор.

В пять часов ее желудок заурчал, как голодный кот. Джулия инстинктивно схватилась за живот, вызвав смех Пола.

– Крольчиха, ты, похоже, стесняешься всего. Даже урчания голодного желудка. Это можно исправить. Тебе нравится тайская кухня?

– Очень. В Филадельфии есть отличный тайский ресторан. Я туда часто ходила с...

Она вовремя осеклась, не произнеся имени вслух. Это был ресторан, куда она всегда ходила с ним. Интересно, они продолжают туда ходить? Сидят за ее столиком, высмеивают меню, высмеивают ее...

Пол деликатно кашлянул, возвращая Джулию в день сегодняшний. Она пробормотала извинение и полезла в рюкзак, хотя ей там ничего не было нужно.

– Не знаю, как в Филадельфии, а здесь тоже есть отличный тайский ресторан. Не так уж и далеко. Придется ножками прогуляться, но дело того стоит. Готовят там замечательно. Если у тебя нет других планов, приглашаю на обед.

Пол нервничал, и Джулия краешком глаза уловила это. Его лицо оставалось спокойным и улыбающимся. И все же он волновался, ожидая ее ответа. Носок его правого ботинка слегка постукивал по ножке столика. Этот человек был добрым от природы. Джулия подумала, что настоящая доброта никогда не обжигает, чего не скажешь о страсти.

– Приглашение принимается.

Пол улыбнулся так, словно Джулия пообещала подарить ему полмира. Он подхватил ее рюкзак и, будто пушинку, закинул себе на плечо.

– Для тебя это слишком тяжелая ноша, – сказал он, глядя ей в глаза и тщательно выбирая каждое слово. – Позволь временно избавить тебя от лишнего груза.

Джулия улыбнулась и молча пошла за ним к выходу.

* * *

Профессор Эмерсон возвращался домой с работы пешком. Идти было недалеко, хотя в ненастные дни и когда у него бывали вечерние занятия, он ездил на машине.

Шагая по тротуару, он думал о лекции, которую вскоре должен был читать в университете. Лекция будет посвящена отображению плотской страсти в «Божественной комедии» Данте. Плотская страсть, она же похоть, была грехом, о котором часто и с удовольствием думал профессор. Желания плоти и бесчисленные способы их удовлетворения настолько терзали его ум и душу, что ему пришлось поплотнее завернуться в плащ, чтобы прохожие не заметили весьма красноречивый «бугорок» на его черных дорогах брюках.

Вот тогда-то он ее и увидел. Профессор остановился, глядя на привлекательную брюнетку, что шла по другой стороне улицы.

«Джулианна – источник бед».

Похоже, ее спутник бед не боялся. А спутником был не кто иной, как Пол, который нес на своем широком плече ее «рюкзачное недоразумение». Оба смеялись и непринужденно болтали, двигаясь на опасно близком расстоянии друг от друга.

«Значит, подрядился таскать ее книжки? Конечно, Пол, всегда приятно вновь почувствовать себя подростком».

Дальнейшие наблюдения за парой выявили, что оба размахивали руками и их руки весьма часто соприкасались. Когда это случалось, мисс Митчелл тепло улыбалась своему спутнику. Из горла профессора Эмерсона раздалось глухое рычание, а его губы скривились в презрительной усмешке.

«Черт побери, что это со мною?» – подумал он.

Профессор прислонился к витрине магазина «Луи Вуиттон» и постарался взять себя в руки. Он пытался проанализировать свое поведение. Он считал себя человеком разумным и рациональным. Носил одежду, прикрывая свою наготу. Ездил на машине. За едой пользовался вилок и ножом, повязывал салфетку. Его работа требовала интеллектуальных способностей и знаний. Он умел контролировать свои сексуальные потребности, делая это различными цивилизованными способами. Он бы никогда не позволил себе овладеть женщиной против ее воли.

Однако, глядя сейчас на мисс Митчелл и Пола, он ощутил себя животным. Грубым, примитивным зверем. Что-то подзуживало его перебежать на другую сторону улицы, оторвать Полу руки и утащить мисс Митчелл к себе в логово, а там – зацеловать ее до бесчувствия и овладеть ею.

«Да что это со мною... твою мать!»

Вспыхнувшее желание не на шутку перепугало профессора. Мало того, что его считают придурком и самовлюбленным идиотом. Оказывается, в нем живет первобытный, неистовый неандерталец, и этот троглодит заявляет права на девушку, с которой едва знаком и которая его ненавидит. В довершение ко всему эта девушка – его аспирантка.

Ему нужно поскорее вернуться домой, лечь на диван и заставить себя глубоко дышать, пока мутная волна похоти не спадет. Потом ему понадобится более сильнодействующее средство, ибо сами собой его инстинкты не погаснут.

Профессор решительно отвернулся от беспечной парочки и поплелся домой. Через некоторое время он вытащил из кармана айфон и торопливо нажал несколько кнопок.

Сигнал вызова прозвучал трижды, и лишь тогда из айфона раздался женский голос:

– Алло.

– Привет, это я. Мы можем сегодня вечером встретиться?

* * *

В среду, прослушав очередной семинар Эмерсона, Джулия вышла из здания факультета и не успела сделать и двух шагов, как услышала знакомый голос:

– Джулия? Джулия Митчелл, это ты?

Она обернулась и тут же попала в крепкие объятия.

– Рейчел, – удивленно пробормотала она, глотая воздух.

Худенькая светловолосая девушка радостно завопила и снова ее обняла.

– Я так скучала по тебе. Мы же целую вечность не виделись! Ты что здесь делаешь?

– Рейчел, я тебе очень сочувствую. Я все знаю... про твою маму и... про все.

Подруги опять обнялись, но уже тихо, и замерли.

– Прости, я не могла приехать на похороны. Как отец? – спросила Джулия, вытирая слезы.

– Места себе не находит без нее. Да и мы все тоже. Отец взял отпуск, чтобы свыкнуться с ее смертью. Я тоже в отпуске, но мне скоро возвращаться на работу. Жизнь продолжается. А почему ты мне ничего не написала про Торонто? – с упреком спросила Рейчел.

Джулия краешком глаза заметила профессора Эмерсона. Тот только что вышел с факультета и теперь тупо смотрел на них с Рейчел.

– Я сама не знала, останусь ли здесь. Первые две недели дались мне с большим трудом.

Рейчел, девушка смышленная и восприимчивая, сразу уловила противоборствующие энергетические потоки, исходящие от ее приемного брата и подруги, но не придала им значения.

– Я уже обрадовала Габриеля обещанием приготовить ему настоящую домашнюю еду. Поехали с нами.

Радость встречи с подругой сменилась у Джулии состоянием, близким к панике.

– Рейчел, аспирантам приходится много заниматься. Уверен, у мисс Митчелл совсем другие планы на вечер, – предостерегающе кашлянув, сказал Габриель.

Джулия поймала его взгляд, не предвещавший ничего хорошего, и послушно закивала.

– Что это еще за «мисс Митчелл»?! – взвилась Рейчел. – Мы с ней дружим с давних времен. В старших классах у меня не было подруги надежней, чем Джулия. Ты что, этого не знал?

Рейчел пристально поглядела на брата, но не нашла в его глазах и следа того, что теперь он вспомнил, кто эта «мисс Митчелл».

– Конечно, вы же никогда друг друга не видели. И все равно, братец, твоя официальщина сейчас малость неуместна. Сделай мне одолжение и вытащи кол из собственной задницы. Потом вставишь.

Повернувшись к Джулии, Рейчел с удивлением заметила, что и та держится как-то странно, будто старается проглотить язык. Лицо у нее даже не покраснело, а посинело, и она раскашлялась.

– Давай встретимся завтра. Сходим куда-нибудь. Я думаю, профес... твой брат хочет провести этот вечер в узком семейном кругу. – Джулия выдавила улыбку, хотя за спиной Рейчел глаза Габриеля метали молнии.

– Очнись, Джулия! – почти крикнула Рейчел. – Профессор он там, в аудитории. А здесь он мой непутевый брат Габриель... Да что с вами обоими?

– Мисс Митчелл – моя аспирантка. Существуют правила... – С каждым словом тон Габриеля становился все холоднее и отчужденнее.

– Габриель, она моя подруга! Слышишь? И плевать я хотела на ваши правила! – Джулия сосредоточенно разглядывала носки своих кроссовок. Габриель хмуро косился на сестру. – Может, кто-нибудь соизволит рассказать мне, что у вас тут произошло?

Не получив ответа, Рейчел скрестила руки на груди и прищурила глаза. Вспомнив слова Джулии о первых трудных неделях, она быстро сделала надлежащие выводы.

– Габриель Оуэн Эмерсон, отвечай: ты вел себя с Джулией как зловредный придурок? – Джулия прыснула в кулак. Габриель нахмурился. Оба по-прежнему молчали, но их реакция красноречиво свидетельствовала, что Рейчел попала в точку. – Вот что, мои дорогие. Времени разбирать ваши детские ссоры у меня нет. Я предлагаю вам поцеловаться и заключить вечный мир. Я здесь всего на неделю и хочу побольше общаться с вами обоими. – Взяв подругу и брата за руку, Рейчел потащила их к профессорскому «Ягуару».

Рейчел Кларк совсем не была похожа на своего приемного брата. Она работала помощницей пресс-секретаря мэра Филадельфии. Однако за звучным названием скрывалась рутинная работа. Большую часть времени Рейчел просматривала местные газеты, выискивая в них малейшее упоминание о ее боссе, или ксерокопировала пресс-релизы. В особо выдающиеся дни ей позволяли обновлять мэрский блог. У Рейчел были мелкие черты лица, гибкая девчоночья фигура, длинные прямые волосы, веснушки и серые глаза. Вдобавок она была на редкость общительным человеком, что порой изматывало ее старшего, склонного к интроверсии брата.

За весь путь домой Габриель не произнес ни слова. Его губы были плотно сжаты, а костяшки пальцев, сжимавших руль, побелели. Зато Рейчел и Джулия, устроившиеся на заднем сиденье, хихикали, как школьницы, вспоминая свои давнишние проделки. Профессору вовсе не улыбалось провести вечер в компании этих девиц, но он помнил, как тяжело сестра переживает смерть матери, и не хотел усугублять ее страдания.

Машина остановилась возле роскошного высотного кондоминиума Мэньюлайф-билдинг, и трио, счастливое на две трети, переместилось из салона «Ягуара» в скоростной лифт, чтобы подняться на последний этаж. На площадке было всего четыре двери.

«Ого! Представляю, какие громадные здесь квартиры», – подумала Джулия.

Прихожая профессорского пентхауса была довольно скромного размера, зато гостиная... Едва попав туда, Джулия сразу поняла, почему Габриель считал ее квартиру меньше конуры для уважающей себя собаки. В его просторных апартаментах окна были во всю стену. Из окон открывался захватывающий вид на озеро Онтарио и гордость Торонто – телебашню Си-Эн. Шелковые шторы на этих гигантских окнах были льдисто-голубыми, а стены – светло-серыми. Роскошный паркет был устлан персидскими коврами.

Антикварную мебель в гостиной, похоже, основательно отреставрировали. Массивный диван и два кресла были обиты темно-коричневой кожей, даже шляпки гвоздиков обивки являлись произведением искусства. У камина стояло вольтеровское кресло – глубокое, обитое красным бархатом.

Джулия с нескрываемой завистью смотрела и на это кресло, и на диван. Как здорово было бы в дождливый день сидеть в кресле перед камином, пить чай и читать свою любимую книгу. Мечты, которым, наверное, так и суждено остаться мечтами.

Камин, однако, был газовым. Над ним, словно картина, висела огромная плазменная телевизионная панель. У профессора была собрана довольно большая коллекция произведений искусства. На стенах висели картины, а скульптуры и статуэтки стояли на полках и столиках. Многие вещи имели музейную ценность; например, римское стекло и греческая керамика. Джулию поразили мастерски сделанные копии известных скульптур, в том числе статуи Венеры Милосской и знаменитой композиции Бернини «Аполлон и Дафна». По мнению Джулии, у Габриеля было даже слишком много скульптур, и все – изображения обнаженных женщин.

Ее удивило полное отсутствие личных и семейных фотографий. Нельзя сказать, чтобы профессор Эмерсон не любил фотографии. У него были отличные старинные черно-белые снимки Парижа, Рима, Лондона, Флоренции, Венеции и Оксфорда, но ни одной фотографии семьи Кларк. И ни одного снимка Грейс.

В другой комнате, возле массивного стола, за которым можно было бы устраивать официальные обеды, стоял матово-черный буфет. За его стеклянными дверцами могло бы поместиться много изысканных вещей. Но он был пуст, если не считать большой хрустальной вазы и украшенного прихотливым орнаментом серебряного подноса. На подносе стояли графины с какой-то янтарной жидкостью, ведро для льда и старомодные хрустальные бокалы. Картину довершали такие же старинные серебряные щипцы для льда и стопка белых льняных салфеток с вышитой монограммой Г. О. Э.

Если подытожить впечатления Джулии, квартира профессора Эмерсона была обставлена и оформлена с большим вкусом, отличалась безупречной чистотой и подчеркнута мужским характером. Здесь было красиво, как в музее, но по ощущениям – очень и очень холодно. Интересно, а женщин в свое стерильное жилище он приводит? Джулия изо всех сил старалась не представлять, как он обращается с женщинами, если кто-то из них попадает в его святилище. Наверное, у него для таких целей есть специальная комната, чтобы женщины не запачкали его музейных интерьеров... Джулия провела рукой по холодному черному граниту кухонной панели и вздрогнула.

Рейчел деловито включила плиту, вымыла руки и собралась готовить.

– Габриель, а почему бы тебе не устроить для Джулии обзорную экскурсию, пока я вожусь с готовкой?

Джулия лихорадочно прижала к груди свой рюкзак, боясь положить его даже на кухонную табуретку. Габриель осторожно забрал у нее рюкзак и положил под стол. Джулия благодарно улыбнулась ему, и он, сам того не желая, улыбнулся ей.

Однако он вовсе не хотел устраивать для мисс Митчелл обзорную экскурсию по квартире. Не было и речи о том, чтобы показать ей его спальню и черно-белые фотографии, украшавшие ее стены. Но поскольку Рейчел напомнила ему об обязанностях хозяина, он, как (вынужденно) любезный хозяин, не мог отказаться. Зато он был вправе ограничить экскурсию показом комнат для гостей.

Так они оказались в его кабинете – третьей по счету гостевой комнате, превращенной им в комфортабельный кабинет и библиотеку. Все стены от пола до потолка были заняты книжными полками. Джулия с завистью взирала на профессорскую библиотеку. Почти все книги, включая и современные, были в твердых переплетах. Помимо английского и итальянского, профессор читал на французском, немецком и латыни. Кабинет, как и вся квартира, тоже имел ярко выраженный мужской характер. Те же льдисто-голубые шторы, тот же темный паркет и антикварный персидский ковер.

Габриель уперся руками в массивный дубовый письменный стол.

– Вам нравится? – спросил он, обведя жестом кабинет-библиотеку.

– Очень, – выдохнула Джулия. – Здесь так чудесно.

Она хотела было потрогать красный бархат кресла – близнеца того, что стояло возле камина. Но не решилась. Еще неизвестно, как на это отреагирует хозяин. Профессор Эмерсон не любил, когда другие трогали его вещи. А вдруг отчитает ее за то, что посмела невымытыми руками касаться его мебели.

– Я очень люблю это кресло. В нем потрясающе удобно сидеть. Если хотите, можете проверить.

Джулия улыбнулась, будто ей сделали подарок, и тут же уселась, подтянула под себя ноги и свернулась калачиком, как котенок.

Габриель мог поклясться, что слышит ее мурлыканье. Взглянув на Джулию, он испытал мгновение покоя и почти счастья. Надо же, ему стало приятно, что эта девчонка устроилась в его кресле!

– Хочу вам кое-что показать, – произнес он.

Джулия вскочила с кресла и встала рядом с ним. Профессор выдвинул ящик и достал оттуда две пары белых хлопчатобумажных перчаток.

– Наденьте, – сказал он, подавая ей одну из пар. Джулия молча взяла перчатки и надела, стараясь подражать его движениям. – Здесь у меня хранится одно из самых дорогих моих приобретений. Касаться их без перчаток – это святотатство.

Он открыл дверцу правой тумбы стола и извлек большую деревянную шкатулку, которую поставил на стол. У Джулии мелькнула мысль, что сейчас она увидит нечто страшное. Например, ссохшийся скальп какой-нибудь аспирантки, прогневавшей профессора.

Он открыл шкатулку и достал предмет, внешне похожий на книгу. Но это была не книга, а несколько сложенных гармошкой карманов из плотной бумаги. Каждый карман был подписан по-итальянски. Габриель пролистал карманы, пока не нашел нужный. Оттуда он осторожно извлек... Джулия затаила дыхание. Она не верила своим глазам.

– Узнаете? – горделиво улыбаясь, спросил Габриель.

– Конечно! Но ведь это... это не может быть подлинником.

Он тихо рассмеялся:

– К сожалению, нет. Для моих скромных финансовых возможностей подлинник недостижим. Оригинальные работы были созданы в пятнадцатом веке. Это репродукции шестнадцатого века.

В руках он держал репродукцию известной иллюстрации к «Божественной комедии»: Данте и Беатриче в раю. Над их головами сияют неподвижные звезды. Сандро Боттичелли. Рисунок пером. Размер репродукции повторял размер оригинала – где-то пятнадцать на двадцать дюймов. Он тоже был сделан пером на пергаменте, завораживая обилием мелких деталей.

– Как вам удалось это достать? Я и не знала о существовании копий.

– Копии были. Эти, вероятнее всего, делал кто-то из учеников Боттичелли. Здесь полный набор. Известно, что Боттичелли нарисовал сто иллюстраций к «Божественной комедии», из которых сохранились лишь девяносто две. У меня есть все сто.

Глаза Джулии лихорадочно заблестели от волнения и восторга.

– Вы шутите?

– Ничуть, – со смехом ответил Габриель.

– Мне повезло. Когда я училась во Флоренции, галерея Уффици устроила выставку этих иллюстраций. Восемь предоставил Ватикан. Остальные принадлежали какому-то берлинскому музею.

– Совершенно верно. Думаю, вы сумели оценить эти шедевры.

– Естественно. Но там было лишь девяносто две иллюстрации. Оставшиеся восемь я так и не видела.

– Их почти никто не видел. Но я вам покажу те самые восемь недостающих иллюстраций.

Время перестало существовать. Габриель показывал Джулии свои сокровища, а она в немом восторге взирала. Все это казалось красочным сном, пока голос Рейчел не вернул их обоих к реальности:

– Габриель, ты бы лучше угостил Джулию вином. И хватит мучить ее своим антикварных барахлом!

Услышав такое, Габриель выпучил глаза, а Джулия по-девчоночьи захихикала.

– Как вам удалось их заполучить? И почему они не в музее? – спросила она, видя, как профессор бережно возвращает иллюстрации в бумажные карманы.

Вопрос был не из приятных. Габриель поджал губы.

– Почему они не в музее? По очень простой причине: я не желаю раскрывать факт их существования. И никто не знает, что они хранятся у меня, за исключением моего адвоката,

моего страхового агента, а теперь еще и вас. – Он выпятил челюсть, давая понять, что эта тема закрыта.

Джулия решила не переступать опасную черту. Однако мысли о том, как эти драгоценнейшие копии попали к профессору, продолжали будоражить ее мозг. Вероятно, они были украдены из музея и Габриель купил их на черном рынке антиквариата. Если так, он, конечно же, не будет хвастаться своими приобретениями. Джулия невольно вздрогнула, подумав, что она, в числе очень немногих, удостоилась привилегии видеть эти шедевры. И не столь важно, кто их делал: ученик Боттичелли или нет. Манера великого мастера была воспроизведена с потрясающей точностью.

– Габриель! – укоризненно позвала возникшая в дверном проеме Рейчел.

– Слушаюсь, сестрица. Что желаете выпить, мисс Митчелл? – спросил он, пока они шли на кухню, где у него имелся винный холодильный шкаф.

– Габриель, хватит ломать эту комедию! – напомнила ему Рейчел.

– Что желаете выпить... Джулианна?

Услышав свое имя, хотя «Джулия» было намного привычнее, она слегка опешила. Заметив ее реакцию, Рейчел решила не вмешиваться и полезла в шкаф, где у брата лежали кастрюли и сковородки.

– Меня устроит все, что вы предложите, проф... Габриель.

От удовольствия Джулия даже закрыла глаза. Наконец-то она могла вслух произнести его имя!

В профессорской кухне имелось нечто вроде бара с изящными высокими табуретами. Джулия уселась на один из них. Габриель достал бутылку кьянти и бесшумно поставил на барную стойку.

– Пусть прогреется до комнатной температуры, – пояснил он, ни к кому не обращаясь. Затем он извинился и сказал, что ненадолго оставляет дам. Джулия решила, что профессор отправился переодеваться.

Рейчел выложила овощи в левую раковину двойной мойки и шепотом спросила:

– Джулия, что между вами происходит? Что за комедию ломает мой братец?

– Это ты у него спроси.

– Обязательно спрошу. Но почему он так странно себя ведет? И почему ты не расскажешь ему, кто ты на самом деле?

Вид у Джулии был такой, что она вот-вот разревется.

– Я думала, он меня вспомнит. А он так и не вспоминает. – Последние слова она произнесла совсем дрогнувшим голосом, опустив голову.

Рейчел удивили и озадачили слова подруги и весьма бурная эмоциональная реакция. Подбежав к Джулии, она порывисто обняла бедняжку:

– Не переживай. Раз я здесь, то вправлю ему мозги. Конечно, шкура у Габриеля толстая, но сердце у него есть. Я знаю. Сама это однажды видела. А теперь помоги мне вымыть овощи. Баранина уже в духовке.

Вернулся Габриель. Он действительно переоделся, хотя его домашняя одежда мало отличалась от официальной. Потрогав бутылку, он быстро откупорил ее и как-то странно улыбнулся. Он предвкушал зрелище. Однажды он уже видел, как Джулианна дегустирует вино, и сейчас жаждал повторения эротического действия. По его телу пробежали судороги нетерпения. Габриель очень жалел, что у него в квартире нет скрытых видеокамер. Они бы сейчас были весьма кстати! У него имелся превосходный цифровой фотоаппарат, но о снимках не могло быть и речи.

Он подал Джулии бутылку и наслаждался выражением ее лица, когда она прочла все, что было написано на этикетке. Да, мисс Митчелл, это очень редкое тосканское вино, достойное

уст лишь настоящих ценителей. Налив ей совсем немного, Габриель встал и отошел, изо всех сил стараясь прогнать с лица улыбку.

Как и тогда, в ресторане, Джулия медленно покачала бокал. Подняла, рассматривая цвет под яркой галогеновой лампой. Потом закрыла глаза и вдохнула аромат, после чего ее полные, созданные для поцелуев губы приникли к кромке бокала. Замерев на пару секунд, она сделала медленный глоток. Потом еще один.

Габриель не удержался от вздоха, наблюдая за движениями ее длинной изящной шеи.

Когда Джулия открыла глаза, Габриель стоял перед ней, слегка покачиваясь. Его синие глаза потемнели, дыхание участилось, а темно-серые брюки в одном месте выразительно оттопыривались...

– Что-то случилось? – хмурясь, спросила Джулия.

Он провел рукой по глазам:

– Ничего особенного. Устал, наверное.

Он налил им обоим почти по полному бокалу, взял свой и стал медленно и чувственно тягивать вино, внимательно следя за Джулией через хрустальные стенки бокала.

– Ответ простой: мой братец проголодался. А когда он голоден, нет зверя опаснее, – пояснила Рейчел, занятая приготовлением соуса. Она стояла спиной к ним и ничего не видела.

– Кстати, а что у нас к баранине? – нарочито бодрым голосом спросил Габриель.

Он, как коршун, следил за Джулией. Вот она поднесла бокал к своим удивительным, чувственным губам и сделала большой глоток.

– Думаю, гарнир тебе понравится, – ответила Рейчел, подходя к стойке. – Вот, посмотри. – Она открыла крышку кастрюли. – Кускус.

Услышав знакомое слово, Джулия поперхнулась вином. Белая рубашка Габриеля покрылась живописными красными пятнами. Шокированная своей неловкостью, она уронила бокал, забрызгав себя и пол. Ударившись о металлическую ножку ее табурета, хрустальный бокал разбился вдребезги.

Габриель стряхивал со своей дорогой рубашки винные капельки. И куда только делись его изысканные манеры? Не стесняясь Джулии, он вслух бормотал проклятия.

Если бы она могла, то охотно провалилась бы сквозь землю. Но это было не в ее силах. Она могла лишь грохнуться на колени и начать лихорадочно собирать осколки.

– Прекратите, – тихо потребовал Габриель.

Джулия будто не слышала его и продолжала собирать острые стеклянные крупинки. Слезы мешали ей смотреть.

– Прекратите, – подходя к ней, уже громче повторил Габриель.

Джулии удалось собрать на ладонь часть осколков, и она упрямо старалась подцепить оставшиеся. В ее ползании по полу было что-то от щенка, у которого покалечена лапа.

– Прекратите, упрямая женщина! – зарычал Габриель. – Так осколки не собирают. Так вы только руки себе пораните.

Его голос низвергался на нее, как Божий гнев.

Не выдержав, Габриель схватил Джулию за плечи и силой поставил на ноги, подвел к мусорному ведру и заставил стряхнуть туда все осколки, а потом повел в гостевую ванную.

– Садитесь! – велел он.

Джулия послушно села на опущенную крышку унитазного сиденья. Сдерживать слезы у нее уже не хватало сил.

– Покажите ваши руки.

Обе ладони Джулии были забрызганы вином. Естественно, она порезалась до крови. В ранках блестели застрявшие осколки. Габриель покачал головой, пробормотал еще несколько ругательств, после чего открыл дверцу аптечки.

– Неужели вас не научили слушать старших? – строго спросил он. Джулия моргала. Это был единственный способ освободить глаза от беспрестанно текущих слез. – И делать так, как вам говорят старшие, вас тоже не научили. – Габриель посмотрел на нее и вдруг замолчал.

Он и сам не понимал, что заставило его умолкнуть. Спроси его потом – он вряд ли дал бы вразумительное объяснение. Он увидел сжавшуюся, плачущую девушку, нагромоздившую целую гору нелепых поступков, и почувствовал... Нет, не раздражение, не новый приступ гнева и даже не всплеск сексуального возбуждения. Он почувствовал сострадание. Ему стало стыдно, что он довел ее до слез.

Габриель наклонился и очень нежно, кончиками пальцев, стал вытирать ей слезы. Каждое его движение сопровождалось каким-то странным жужжащим звуком, вылетавшим из ее губ. И опять ее кожа показалась ему удивительно знакомой. Вытерев все слезы, он взял в свои руки ее бледное лицо, чуть запрокинул ей подбородок... и тут же занялся ее израненными ладонями.

– Спасибо, – прошептала Джулия, заметив, с какой заботой Габриель вытаскивает мелкие осколки, застрявшие в ее ладонях.

Вооружившись тонким пинцетом, он внимательно осмотрел каждую ладонь и не успокоился, пока не извлек последнюю хрустальную крупинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.